ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 91 (2474) Суббота, 13 ноября 1948 г. Цена 40 коп.

На новом под'еме

В своем докладе о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции товарищ В. М. Молотов дал величественную картину победоносного движения нашей страны к коммунизму. Грандиозного размаха достигли работы по восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства. Уровень нашей промышленности уже превзошел довоенный. Замечательных успехов добились труженики социалистических полей.

Победы социалистического строительства в городе и деревне, глубина и размах соревнования, улучшение быта и повышение материального уровня жизни рабочих и служащих — все это ярко свидетельствует о том, что наша страна находится на новом под'еме.

К чести советских писателей можно сказать, что они активно участвуют в героической борьбе советского народа за выполнение сталинской пятилетки.

В своем докладе товарищ В. М. Молотов высоко оценил достижения нашей литературы и искусства.

«Мы имеем право гордиться, — сказал товарищ В. М. Молотов, — успехами советского искусства и в последнее время, в особенности, успехами советской литературы, что является не малым достижением направляющего руководства партии. Наша литература, кино и другие виды искусства всё больше обогащаются такими произведениями, которые в своих образах раскрывают идейный смысл событий и работы людей советской эпохи. Подлинное искусство доходчиво и оставляет глубокие следы в сознании людей, и поэтому так велико значение теперешнего под'ема в советском искусстве для развития успехов в коммунистическом воспитании советского народа. Советское искусство проникает далеко за рубежи страны, освещая дела и дни нашей Родины, которые капиталистическая печать стремится скрыть или извратить в глазах трудящихся».

Наша литература обязана своими успехами и достижениями мудрому, вдохновенному руководству партии Ленина—Сталина.

Партия большевиков всегда с неослабным вниманием следила за развитием литературы, во-время приходила к ней на помощь, вскрывала ошибки и недостатки, указывала единственно верный путь — путь верного служения народу. Начиная с программной ленинской статьи «Партийная организация и партийная литература» и вплоть до исторических постановлений ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве, партия указывала, что у литературы нового социалистического общества «нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства».

Со времени опубликования постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» прошло более двух лет. Теперь нам особенно ясно, какую огромную роль сыграло оно в творческих победах нашей литературы и искусства.

Писатели ответили на постановление ЦК ВКП(б) новыми произведениями, проникнутыми большой жизненной силой. Со страниц этих книг перед нами встают образы современников, вчерашних воинов, штурмовавших Берлин и Вену, освобождавших Варшаву и Прагу, а ныне активных участников народной борьбы на фронтах сталинской пятилетки.

Правдиво рассказали писатели о том, как рождались победы в шахтах, на производстве, на колхозных полях. Советские художники не просто описывают героические трудовые подвиги наших людей, но стремятся раскрыть духовное богатство и красоту нашего человека.

Замечательной особенностью последних лет явился непрерывный приток свежих писательских сил.

В литературу пришли люди, тесно связанные с трудовыми буднями страны, с повседневной жизнью миллионов рядовых рабочих, строителей, шахтеров, колхозников, интеллигенции.

Наши писатели стремятся запечатлеть глубокую внутреннюю поэтичность и красоту жизни советского человека. Реальная социалистическая действительность, победоносное движение советского народа к коммунизму — вот подлинный источник вдохновения современных художников.

Прекрасное, говорят они в своих книгах, — это сама наша жизнь, где навсегда покончено с рабством и насилием, где миллионы свободных и равноправных людей, двигая вперед науку и технику, подчиняют себе природу, не дожидаясь ее милостей.

Рисуя самоотверженный труд советских людей на просторах нашей Родины, — в донецких степях, в дальневосточной тайге, в горах Кавказа, писатели утверждают единство устремлений всего нашего многонационального советского народа.

«Большевистский дух повсюду проникает, через все горы, перевалы и реки,— говорит секретарь райкома в повести Георгия Гулиа «Весна в Сакене», обращаясь к одному из жителей горного села Сакен.— ...Живите и работайте так, словно живете и работаете в Москве, рядом со Сталиным».

Товарищ В. М. Молотов указал на большую роль советской литературы в деле коммунистического воспитания народа. Подлинное искусство, вдохновленное высокими идеями, народными чаяниями и устремлениями, выразительное и доходчивое, оставляет глубокие следы в сознании людей, учит и воспитывает их.

Именно так воздействуют на советских людей лучшие книги наших писателей. Председатель одного из колхозов Калининской области С. Капустин пишет о романе С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды»:

«Когда прочтешь такую книгу, хочется работать еще горячее, сделать больше, чем сделал до сих пор, потому что трудимся мы, свободные советские люди, для себя, для нашей великой Родины».

Так же, как в годы Великой Отечественной войны, так и в наши дни лучшие произведения советских писателей помогают нашим людям в их борьбе за выполнение сталинской пятилетки, за возрождение шахт и заводов, за сталинские урожаи, за дальнейшее развитие передовой большевистской науки.

Как никогда, возросло воспитательное значение художественного слова. К литературе приобщены миллионы новых читателей, она стала в полном смысле родным для народа делом. Каждая новая правдивая и талантливая книга, вдохновленная светом большевистских идей, с волнением и радостью встречается всеми советскими людьми.

Наш народ, как ни один народ в мире, любит свою литературу, смотрит на книгу не как на забаву или развлечение, но требовательно ищет в ней ответа на самые волнующие, самые жгучие вопросы современности.

Советские писатели всегда помнят об этом и стремятся еще лучше служить народу.

«Ленин и Сталин учат нас не зазнаваться и не успокаиваться на имеющихся достижениях, — сказал В. М. Молотов.— Товарищ Сталин неустанно раз'ясняет значение метода критики и самокритики для нашего движения вперед, для работников всех без исключения рангов».

Как ни значительны успехи нашей литературы, она еще далеко не отражает во всей глубине и многообразии великого богатства советской действительности. Литературные герои оказываются беднее, чем их живые прототипы — реальные герои современности.

Высокая оценка успехов литературы — не повод для зазнайства, для успокоения. Наоборот, это призыв к новым творческим победам, к созданию новых высокоидейных, талантливых произведений. Еще больше повышается ответственность писателей перед народом. Они должны еще требовательнее взглянуть на свою работу, повысить идейный и художественный уровень литературных произведений.

Народ ждет от советских писателей живых, взволнованных книг, которые широко и полно раскроют красоту и величие славной сталинской эпохи.

НОВЫЕ ТЫСЯЧИ КОЛХОЗНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ

Накануне 31-й годовщины Великого Октября в различных районах советской страны вступили в строй сотни колхозных электростанций. Электрификация нашей деревни приобрела поистине колоссальный размах. В текущем году в стране зажгутся огни более двух тысяч колхозных гидроэлектростанций общей мощностью в 118 тысяч киловатт. Это почти равно мощности всех сельских ГЭС, построенных за предыдущие тридцать лет. К началу 1948 года в СССР насчитывалось 17.700 электрифицированных колхозов. К концу третьего года послевоенной сталинской пятилетки получат ток еще 38.500 колхозов. 514 совхозов, селекционных и опытных сельскохозяйственных станций, 4.300 МТС и ремонтных мастерских.

Большинство станций будет работать на «белом угле». В районах, бедных водными ресурсами, строятся тепловые электростанции, работающие на местном топливе. В будущем для сельской электрификации будет использована и энергия ветра. Сейчас в Ульяновской, Курской, Астраханской, Саратовской, Крымской и Запорожской областях идет подготовка к строительству ветроэлектрических установок.

Делу сельской электрификации помогают крупнейшие ученые страны. Академик А. Винтер сейчас работает над проблемой использования энергии ветра для механизации сельскохозяйственных процессов. Член-корреспондент Академии наук СССР М. Костенко сконструировал электрогенератор переменного тока, работа которого не будет зависеть от колебаний напора воды или скорости ветра. Ни одному ученому мира не удавалось до сих пор создать подобной машины. Профессора и преподаватели Московского ордена Ленина энергетического института имени В. М. Молотова подготовили к печати 11 трудов по сельской электрификации.

В октябре этого года в Ереване была созвана Всесоюзная научно-техническая сессия по вопросам энергетического оборудования для электрификации сельского хозяйства. На сессии присутствовали представители Москвы, Ленинграда, Ташкента, Киева, Свердловска, Горького, Баку и многих других городов.

Ряд новых машин уже внедрен в производство. На московском заводе Главсельэлектро освоен новейший тип генератора системы С. Юдицкого. Завод «Уралэлектроаппарат» приступает к серийному выпуску нового вертикального генератора мощностью свыше 100 киловатт. Красноярский завод Главсевморпути начинает серийное производство ветродвигателя «Д-18» конструкции лауреата Сталинской премии В. Сидорова.

Возросшая мощь сельских электростанций не только позволит осветить дома и улицы колхозных деревень, но коренным образом изменит характер сельского хозяйства, сделает колхозы и совхозы подлинными фабриками продовольственного сырья, где все процессы будут механизированы, где на смену мускульной силе придет электричество.

Большевистская партийность — основа советского литературоведения

Редакция «Вестника Ленинградского университета» в № 4 опубликовала большой отчет о состоявшемся 1 апреля 1948 года расширенном заседании Ученого совета филологического факультета, посвященного обсуждению статьи «Против буржуазного либерализма в литературоведении» («По поводу дискуссии об А. Веселовском»), напечатанной в газете «Культура и жизнь» 11 марта 1948 года.

«Обсуждение статьи, — пишет автор отчета, — имело весьма острый и активный характер».

С докладом выступил доц. А. Г. Дементьев. Основные положения этого доклада изложены в статье «За большевистскую партийность в литературоведении», опубликованной в этом же издании.

А. Г. Дементьев подробно охарактеризовал сущность и значение статьи «Против буржуазного либерализма в литературоведении», дающей глубокое разрешение ряда важнейших вопросов литературной науки и раскрывающей вреднейший политический смысл попыток оживить Веселовского, предпринятых некоторыми нашими учеными. Во второй части доклада он подверг критике ряд литературоведческих работ ленинградских ученых, в той или иной степени повторяющих ошибки компаративизма, страдающих об'ективизмом, аполитизмом и низкопоклонством.

Докладчик призвал ученых литературоведов к активной наступательной борьбе со всеми проявлениями чуждой советскому народу идеологии. «Огромное значение статьи «Против буржуазного либерализма в литературоведении», — сказал он, — заключается в том, что она формулирует марксистско-ленинскую точку зрения по ряду важнейших вопросов литературной науки. Тем самым об'единяются все силы советских ученых в борьбе за определенную программу, за определенное решение важнейших вопросов литературоведения».

Первым в прениях выступил проф. В. Я. Пропп. Книга проф. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» была подвергнута критике в статье «Реставрация отживших теорий» в «Литературной газете» № 29 за 1947 год.

Проф. Пропп признал порочность своей книги. «Я не считал себя компаративистом, — сказал он, — но я об'ясняю русскую сказку через творчество других народов, стоявших на более ранних ступенях человеческой культуры. Отсюда вытекают обвинения моих критиков во вредном космополитизме, которые я никак не могу отвести». Констатируя, что современная фольклористика отстает от общего под'ема социалистического строительства, проф. В. Я. Пропп говорил о необходимости окончательно порвать с традицией, которая ведет назад, и создать труды, достойные нашей великой эпохи.

Проф. В. М. Жирмунский, рассматривая статью «Против буржуазного либерализма в литературоведении» в свете ряда других решающих указаний партии по вопросам науки, литературы и искусства, указал, что советское литературоведение должно быть боевым, идейным, партийным в оценке литературы прошлого и настоящего. Отдельные литературоведы, обращаясь к традициям либерально-буржуазной науки прошлого и прежде всего к наследию Веселовского, сознательно или бессознательно идеализировали это прошлое и в ряде случаев повторяли старые ошибки, особенно вредные в новых условиях нашего времени. «Я имею в виду, — сказал проф. В. М. Жирмунский, — прежде всего либерально-буржуазный космополитизм в науке, представлявшийся (по крайней мере, в прошлом) политически близоруким людям только невинной забавой абстрактной учености, но обернувшийся в демагогическом использовании современных американских империалистов реальной угрозой свободе и национальной независимости народов всего мира. Поэтому и свою позицию в дискуссии о Веселовском я должен признать неправильной в политическом, а, следовательно, и в научном отношении». — «Указания партии, — сделал вывод проф. Жирмунский, — раскрывают единственно правильный путь для исправления ошибок.

В своем выступлении проф. Б. М. Эйхенбаум говорил, что природа ошибок и заблуждений отдельных литературоведов кроется в ошибочном представлении о «чистой» академической науке, будто бы существующей для специалистов, и в низкопоклонстве перед Западом. «Хотя наши суб'ективные намерения направлены на создание нового, свободного от этих пережитков советского литературоведения, об'ективно (как это наблюдается и в других областях) пережитки сказываются. Таково происхождение и моих ошибок в работе о Лермонтове и Толстом... Мы должны себе понять глубже, чем понимали до сих пор, что мы не только как советские граждане, но и как советские ученые находимся в состоянии решительной идеологической борьбы с буржуазным Западом...»

Критике своих ошибочных взглядов на творчество Достоевского посвятил свое выступление проф. А. С. Долинин: «Я должен сознаться, — сказал он, — что я моим увлечением своей долголетней темой о нем я действительно стоял на неправильной позиции, я действительно говорил о его реакционной идеологии в слишком мягких тонах». Проф. А. С. Долинин признал правильной резкую критику его прежней работы о «Братьях Карамазовых», построенной на крайне ошибочном применении к оценке творчества Достоевского слов Ленина о Толстом. Он указал, что действительно искажал правду о Достоевском, но суб'ективно был убежден, что в последней работе «В творческой лаборатории Достоевского» уже стоял на правильной позиции. Именно эта работа была в свое время подвергнута резкой критике в № 66 «Литературной газеты» за 1947 год в статье «Ф. М. Достоевский и наша критика». «...Застарелая болезнь, — сказал проф. Долинин, — очевидно, не так быстро излечивается... Ошибочной оказалась и эта книга... Сознание своих ошибок обязывает ко многому. В последнее время я сосредоточил свои научные интересы на теме о революционных демократах, в частности, на творчестве Белинского и Герцена».

После него выступил директор Филологического института Ленинградского университета проф. М. П. Алексеев, о работах которого, страдающих пережитками низкопоклонства, писала «Литературная газета» в № 24 за 1947 год в статье «Искаженные пропорции и ложные выводы». Проф. М. П. Алексеев в своем выступлении призвал подвергнуть деловой и принципиальной критике все пережитки буржуазного либерализма, формализма, низкопоклонства перед иностранщиной, которые в той или иной форме проявлялись в преподавательской деятельности некоторых ученых и в их трудах. «В некритическом отношении к трудам Веселовского повинен и я,— сказал проф. Алексеев, — считаю обязательным полностью пересмотреть свои прежние позиции...»

Выступление акад. В. Ф. Шишмарева не смогло полностью удовлетворить собравшихся. После того как Ученый совет счел его выступление неудовлетворительным, акад. Шишмарев обратился к Ученому совету с письмом, в котором заявил, что Веселовский «идеалист, ученый, чуждый боевой советской науке. Вполне разделяя идеи статьи газеты «Культура и жизнь» о космополитизме, низкопоклонстве и необходимости решительной борьбы с буржуазной наукой, я считаю своим моральным долгом руководствоваться ими в своей работе. Этого требует от меня моя научная совесть и моя любовь к советской Родине».

Письма прислали также проф. В. А. Десницкий и проф. М. К. Азадовский, не присутствовавшие на заседании по болезни.

Проф. В. А. Десницкий признал ошибочным свое недостаточно самокритичное выступление при обсуждении статьи «Против буржуазного либерализма в литературоведении» в Институте литературы Академии наук СССР. «Мне следовало, — писал он, — решительнее осудить мою чрезмерную деликатность в статье 1938 г. в отношении и самого Веселовского и его «наследников», осудить также решительнее и мои дезориентирующие советы «учиться» у Веселовского».

Проф. М. К. Азадовский, взгляды которого неоднократно критиковала «Литературная газета» (например, в статье «Специалисты по низкопоклонству» в № 3 за 1948 г.), осудил свою ориентацию на старую домарксистскую науку о литературе.

«Я отчетливо вижу теперь свою основную ошибку, — писал проф. М. К. Азадовский, — я слишком связал себя со старыми традициями... Связать современную советскую науку со старыми научными традициями значило забыть их качественные отличия, значило забыть, что между ними и нами стоит Великий Октябрь. Не понять этого, не понять самого главного—это значит об'ективно скатываться на рельсы буржуазного космополитизма...»

Профессоры Г. А. Гуковский, Г. А. Бялый, И. П. Еремин, С. Д. Кацнельсон, И. М. Тронский и другие говорили о необходимости сделать партийным и целеустремленным советское литературоведение. Проф. Б. В. Томашевский, не имевший возможности выступить на ученом совете, писал на другой день в газете «Ленинградский университет»:

«Следует признать, что в работах многих из нас, особенно в старых работах, присутствуют недостатки, в некоторой мере типические: в решении новых проблем мы привыкли ориентироваться на старую академическую науку, подчас игнорируя запросы нашего времени; отсюда приглушение принципиально нового, что выдвигалось жизнью и что, в конечном счете, стимулировало постановку этих проблем. ...Борьбу с космополитизмом в литературоведении я считаю насущной не только потому, что космополитизм заводит нас в тупик, но и потому, что служит силам мировой реакции».

Ученый совет единогласно принял резолюцию, в которой признал статью «Против буржуазного либерализма в литературоведении», глубоко вскрывающую методологическую и политическую сущность концепции Веселовского, совершенно правильной и весьма своевременной, имеющей огромное значение в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии в филологической науке.

«Александр Веселовский, — говорится в резолюции, — принципиальный враг революционной демократии, характерный представитель буржуазно-либеральной академической науки, чуждой и враждебной нам как тип ученого.

Созданный Александром Веселовским метод изучения литературы диаметрально противоположен марксизму, так как рассматривает литературные явления вне их прямой зависимости от классовой борьбы, от уровня развития философских идей в обществе, от исторической действительности. Метод Веселовского сводит изучение литературы к анализу мертвых схем, к сличению неизменных кочующих мотивов, сюжетов и образов, игнорируя тем самым национальное и конкретное историческое содержание литературных произведений: формализм и буржуазный космополитизм неот'емлемы от учения Веселовского».

В резолюции указывается, что активное стремление ряда ученых оживить учение Веселовского, попытка навязать нашей науке принципы чуждого и враждебного нам буржуазно-либерального литературоведения с присущим последнему космополитизмом наносят политический вред, ибо под этим флагом выступают сейчас ученые, представители американской и западной реакции, проповедующие идею внепациональной, надклассовой науки.

Ученый совет отметил, что во вредной попытке оживить учение Веселовского деятельное участие принял ряд руководящих научных работников филологического факультета Ленинградского университета. Активными апологетами Веселовского выступили акад. В. Ф. Шишмарев, член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский, член-корр. АН СССР М. П. Алексеев, проф. М. К. Азадовский, а их соратниками неизбежно оказался ряд ученых, не изживших до конца формализм: проф. Б. М. Эйхенбаум, проф. Б. В. Томашевский. Серьезные методологические ошибки допущены в работах проф. О. М. Фрейденберг по истории античной филологии, космополитическая методология пронизывает книгу проф. В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Аполитичность и об'ективизм ярко сказались в книге проф. А. С. Долинина, в которой идеализируется и приукрашивается реакционные стороны творчества Достоевского. «Пережитки буржуазного либерализма, формализма и академического бесстрастия пагубно сказываются на развитии нашей науки, отрывают ее от задач современности, тормозят ее развитие, мешают правильному воспитанию студенчества и молодых научных кадров». Активная защита Веселовского, говорится далее, стала возможной потому, что самокритика не стала основой работы факультета.

С удовлетворением отмечая выступления В. Ф. Шишмарева, М. П. Алексеева, В. М. Жирмунского, А. С. Долинина, И. П. Еремина, В. Я. Проппа, Б. М. Эйхенбаума, признавших справедливость критики их работ, Ученый совет указал, что «сотрудники кафедры русского языка во главе с заведующим кафедрой проф. С. Г. Бархударовым не нашли в себе должной смелости для того, чтобы выступить с резкой принципиальной критикой книги акад. В. Виноградова «Русский язык».

Ученый совет постановил потребовать от деканата и дирекции института и кафедр повседневной борьбы за партийность филологической науки, против всех пережитков в ней буржуазной идеологии.

«Ученому совету, деканату факультета и дирекции института направлять работу института и кафедр:

а) на борьбу с порочными традициями школы Веселовского, формализма, либерального академизма, на борьбу с ложными представлениями о существовании надклассовой, наднациональной «чистой науки»;

б) на раскрытие литературоведами и фольклористами идейно-политического, философского и морального смысла и значения художественных произведений, чтобы шире и лучше использовать художественную литературу и фольклор для коммунистического воспитания нашего народа;

в) на более активную разработку важнейших вопросов теории литературы и марксистско-ленинской эстетики, истории советской литературы, проблем социалистического реализма и наследия великих представителей русской революционной демократии;

г) на борьбу за активное служение нашей науки современному социалистическому строительству, за разработку актуальных научных проблем, непосредственному помощь советской школе;

д) на глубокую критику идеологического и научного распада, который характерен для современного буржуазного Запада и империалистической Америки, способствуя выступлениям наших ученых по этим вопросам в печати».

Ученый совет предложил на кафедрах и в секторах института подвергнуть критическому обсуждению всю подготовляемую к печати научную продукцию института.

Деканату факультета поручено провести среди студентов раз'яснительную работу по статье в «Культуре и жизни» и организовать на эту тему доклады для студентов I, II, III, IV и V курсов. Ученый совет поручил также заведующему кафедрой русского языка проф. С. Г. Бархударову поставить доклады для студентов об ошибках книги акад. В. Виноградова.

«Ученые и общественность университета, — говорится в резолюции, — ждут от работников филологического факультета в ближайшее время решительной перестройки в своей теоретической и практической работе в борьбе за утверждение подлинного социалистического реализма, повседневной борьбы за партийность в области литературы и искусства, борьбы с порочными традициями школы Веселовского».

«Вестник Ленинградского университета» № 4. Ленинград, 1948 г., стр. 139.

С. МАРШАК

ИЗ «ЛЕСНОЙ КНИГИ»

Будущий лес

В лесу я видел огород.
На грядках зеленели
Побеги всех родных пород:
Березы, сосны, ели.

И столько было здесь лесной
Кудрявой, свежей молоди!
Дубок в мизинец вышиной
Тянулся вверх из желудя.

Он будет крепок и ветвист,
Вот этот прут дрожащий.
Уже сейчас раскрыл он лист —
Дубовый, настоящий.

Мне до колен не доросла
Игрушечная елка.
Ее душистая игла
Была нежнее шелка.

Я видел чудо из чудес:
На грядках огорода
Передо мной начался лес
Двухтысячного года!

Зеленая полоса

Из окон дома посреди Москвы,
Где создают чертеж лесного плана,
Мы слышим шелест будущей листвы,
Как отдаленный рокот океана.

Там, где легла на карте полоса,
Отмеченная краскою зеленой,
Пройдут тысячеверстные леса —
Дубы, березы, лиственницы, клены.

Защита нив и полноводных рек,
Зеленые трепещущие своды...
Так в наши дни вступает человек
В свои права хозяина природы.

На опушке

Едва остановится дачный
У первой платформы лесной,
Вы слышите голос прозрачный,
Рожденный самой тишиной.

В лесу, над росистой поляной,
Кукушка встречает рассвет.
В тиши ее голос стеклянный
Звучит, как вопрос и ответ.

В двух звуках, кукушкой пропетых,
Не радость слышна, не печаль.
Она говорит нам, что где-то
Есть очень далекая даль.

У самой границы
Столицы
И первой опушки лесной
Зовет нас кукушка, зегзица,
С порога дубравы родной.

Зимой

Замерзший бор шумит среди лазури,—
Метет ветвями синеву небес.
И кажется, — не буря будит лес,
А буйный лес, качаясь, будит бурю.

Лесная гостья

Из пригородной рощи
Иль из глуши лесной
Она в Москву на площадь
Приехала весной.

И с нею неразлучно
В столицу привезли
Ее надел земельный —
Кусок родной земли.

Не маленьким ребенком,
А деревом в соку
Ее четырехтонна
Доставила в Москву.

Расти на новоселье,
Живи здесь много дней,
Над городской панелью
Цвети и зеленей.

Дыши прохладой летом
И радуй каждый год
Медовым легким цветом
На площади народ!

Рабочие — студенты заочных институтов

В заочных высших учебных заведениях страны обучаются 270 тысяч студентов. Как нам сообщили в Министерстве высшего образования СССР, заочные вузы только в этом году вновь приняли свыше 100.000 человек.

Студенты-заочники нового набора, как правило, — передовые рабочие, бригадиры, мастера, техники.

Среди первокурсников Московского заочного института металлопромышленности фрезеровщик автозавода имени Сталина Н. Новиков. Он учится в механико-машиностроительном факультете. Электросварщик того же завода Б. Задорожный занимается на автотракторном, мастер завода «Фрезер» С. Лебедева — на факультете горячей обработки металлов.

1150 человек поступили в этом году в Ленинградский заочный индустриальный институт. В их числе — слесарь-механик из Риги В. Салякин, техник из Ворошиловска О. Полунина, конструктор из Казани Р. Шамсутдинова, ленинградский судостроитель А. Ненаездников.

Большая тяга к учебе у рабочих-текстильщиков. Нынешней осенью Всесоюзный заочный институт текстильной и легкой промышленности принял 930 человек. На первый курс технологического и химико-технологического факультетов зачислены ткачиха Бийской ткацкой фабрики А. Коровина, ремонтировщик Ташкентского текстильного комбината М. Косенко, вязальщица Московской чулочной фабрики В. Чигарова и другие.

Машинист суконной фабрики имени Свердлова (Ульяновская область) В. Сорокин поступил на механический факультет этого института.

Для помощи студентам-заочникам во многих городах страны — Молотове, Сталинграде, Ульяновске, Таганроге, Таллине, Липецке — созданы учебно-консультационные пункты. Занятиями руководят видные советские ученые.

Аугуст ЯКОБСОН

В ВЕЛИКОЙ СЕМЬЕ

Трудовой народ Эстонии вместе с другими народами России участвовал в гигантском освободительном движении против царизма, в борьбе с иностранными интервентами и белогвардейскими генералами. Но в те дни эстонским трудящимся не удалось отвоевать счастье, за которое они проливали кровь рядом с русскими братьями. Эстонская буржуазия при поддержке немецких и английских капиталистов отрезала Эстонию от Советского Союза. Более двух десятилетий длилось господство национальной и зарубежной буржуазии в Эстонии. Политические заправилы эстонской буржуазной республики стремились укрепить свою власть не только актами физического подавления — бесчисленными смертными приговорами и каторжными работами. Они стремились превратить народ Эстонии в политически несознательную, темную массу. Восточная граница была плотно замкнута, — подрастающая эстонская молодежь не должна была знать, что происходит в Советской стране. Она должна была слепо верить всей лжи, которую ей преподносили в буржуазной школе, печати и литературе.

В капиталистической Эстонии были распространены длинные псевдонаучные рассуждения о «необязательности» классовой борьбы. Всеми средствами проповедывалась теория «единой народной семьи», «одной крови». Ворота на Запад были открыты настежь. Изо дня в день и из года в год пичкали эстонского читателя растленной декадентской литературой, издевательски отрицавшей все подлинно человеческое.

Учитывая все это, легко представить, каким тернистым был путь эстонской литературы в годы реакции. С одной стороны — отдельные, случайно проникавшие лучи из нового мира; с другой — поток сочинений таких писателей, как Андре Жид, Жюль Ромэн, Андре Моруа, Олдос Хаксли. С одной стороны — всячески отражаемые порывы бодрящего, освежающего ветра, с другой — хлынувший широким потоком дух разложения, пред которым раскрыли все двери и все окна. Не удивительно, что чахли и погибали многие таланты, а выстоять сумели лишь некоторые, тоже испытавшие долгие и мучительные заблуждения, неоднократно терявшие верное направление, оступавшиеся, стремившиеся вперед — иной раз почти стихийно.

Но эстонская буржуазия просчиталась. Уже одна близость Советского Союза бросала отсвет на нашу жизнь и борьбу. Вопреки тщательно осуществляемой политике изоляции, в Эстонию все-таки проникали новости, которые укрепляли нас в нашей вере в будущее, помогали нашей идейной ориентировке.

С огромным интересом следили прогрессивные писатели Эстонии за всем, что происходило в Советском Союзе. Изумительная быстрота, с которой были залечены увечья первой империалистической войны, невиданный трудовой энтузиазм; превращение отсталой аграрной страны в передовую индустриальную; сказочный темп сталинских пятилеток, процесс коллективизации в деревне — все это приковывало внимание эстонской прогрессивной интеллигенции в годы реакции, хотя обо всем этом и не имелось вполне точной и верной информации.

Когда до нас доходили произведения советских писателей, их влияние на развитие нашей литературы было просто огромным. Помню, каким глубоким, надолго запомнившимся переживанием было для меня чтение «Тихого Дона» Михаила Шолохова, «Цемента» Федора Гладкова, бессмертной книги Николая Островского, стихотворений Маяковского и особенно послеоктябрьских произведений и вдохновляющих статей М. Горького! Иоханнес Барбарус, Ян Кярнер, Иоханнес Сютисте, Аугуст Алле и многие, многие другие наши поэты и прозаики лишь благодаря обогащающему влиянию идей Октябрьской революции смогли разговаривать со своим народом так, как они это делали.

Оторванная от естественной почвы развития, знакомая с плодотворными идеями, приходившими с востока, лишь отрывочно, наша литература, казалось бы, могла не устоять перед потоком реакционных западных влияний. Все более распространявшийся формализм, так называемая теория «чистого искусства», ложные социальные концепции были теми подводными камнями, которые подстерегали нас.

Уже за тот единственный мирный советский год, который выпал на нашу долю перед Великой Отечественной войной, мы научились многому. Нет сомнения в том, что и роман Мадарика «Республика», появившийся в год переворота, и пламенные стихотворения И. Барбаруса, Сютисте, Я. Кярнера о молодой свободе и трудовом энтузиазме эстонского народа останутся в истории нашей литературы.

Великая Отечественная война поставила перед эстонскими писателями задачи, которые с полным правом можно назвать огромными. Страна была охвачена огнем сражений, немецко-фашистские разбойничьи армии, убивая всех и сжигая всё, проникали все дальше. Необходимо было в срочном порядке и со всей энергией приступить к труду, мобилизующему народ на борьбу.

Теперь, оглядываясь на эти великие дни, мы видим, что эстонские литераторы, как и писатели всего Советского Союза, с честью выполнили задачи того времени. Стихи Я. Кярнера, М. Рауда, Д. Ваарранди и Н. Семпера, острые сатиры Аугуста Алле, проза А. Хинта, П. Кеэрдо и М. Нурма были исполнены ненависти к врагу и безграничной любви к своему народу, к своей новой советской родине! Эстонские книги, выходившие в те исторические дни в советском тылу, находили прямую дорогу к сердцам наших бойцов; пылкие слова, шедшие от наболевшего сердца, долетали до братьев, томившихся на оккупированной родине.

* *

Период восстановления, последовавший за победоносно окончившейся войной, не уменьшил об'ема и значения поставленных перед писателями задач. Новая сталинская пятилетка требует от нас напряжения всех творческих сил. Воинственные выкрики поднявшей голову международной реакции обязывают нас, бойцов идеологического фронта, к особой бдительности. И вновь молодая литература советской Эстонии стремится оправдать доверие великой Родины. В одном ряду со своими старшими братьями мы с энтузиазмом включились в ту гигантскую работу, которая происходит сейчас во всех уголках Советского Союза.

Исторические постановления ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве помогли эстонским писателям еще глубже осознать значение своего участия в социалистическом строительстве. Отклонения от верного пути, пути правдивого, реалистического изображения советской действительности, становятся все более редкими. На первый план выступают активные, подлинно советские темы. Воспитательное воздействие новой эстонской литературы растет. Авторское мастерство совершенствуется, и это увеличивает действенную силу книг.

Молодые поэты Эстонии Дебора Ваарандн, Юхан Шмууль, Ральф Парве рассказывают в своих стихотворениях о работе на наших полях и в наших лесах; Иоханнес Семпер сатирическими стихами бичует международных разбойников, призывающих к новой войне; он работает над пьесой о возникновении колхозов в эстонской деревне. Эрнст Хийр, Пауль Руммо и Март Рауд избрали своей темой жизнь государства, быстрыми шагами идущего к коммунизму. Наши лучшие прозаики Эдуард Мянник и Рудольф Сирге, а также успешно дебютировавший своей первой книгой Освальд Тооминг, отражая работу сланцевой промышленности Эстонии, создают образы героев социалистического труда. Драматурги Гуго Раудсепп и Адольф Хинт мобилизуют своими пьесами на борьбу против классового врага. Наша литература для детей и юношества делает первые серьезные шаги, становится все жизнеспособнее; сборники стихов и рассказов Лейды Кибувитс, Лейды Тигане, Керсти Мерилаас и Ральфе Парве зажигают сердца наших мальчиков и девочек любовью к социалистической Родине.

Эстонской советской литературе свойственны, конечно, еще многие недостатки. Надо полностью освободиться от пережитков буржуазного времени. Отдельные писатели должны изжить имеющуюся еще склонность переоценивать достижения западной культуры и недооценивать замечательные успехи советской культуры. Нужно также освободиться и от склонности переоценивать свои прошлые заслуги и почивать на лаврах. Смелее и решительнее надо расширять тематику, охватывать в своих работах все области нашей жизни, создавать призывные, вдохновляющие произведения.

Нет никакого сомнения в том, что эстонская советская литература, уже вступившая на путь социалистического реализма, успешно освободится от ошибок, и ее труды станут еще более плодотворными. Это гарантировано всесторонней заботой коммунистической партии и советского правительства о литературе, любовью и уважением нашего трудящегося народа. Это гарантировано родной почвой, обретенной нами в 1940 году, почвой, от которой мы были оторваны в течение более двадцати тяжелых лет. Будущие успехи нашей литературы обеспечены мудрой сталинской политикой, которая сделала нас равными среди равных в многочисленной братской семье народов Советского Союза!

По следам выступлений «Литературной газеты»

«РЫЦАРИ» ЕДИНОГО ПОТОКА»

Ученый совет факультета русского языка и литературы Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена обсудил статью В. Жданова «Рыцари» единого потока» («Литературная газета» № 52 за 1948 г.). В этой статье указывалось на необходимость разоблачить до конца пережитки лженаучных теорий, согласно которым русская литература прошлого представляла собой «единый поток» и развивалась гладко, мирно, гармонично, не зная ни борьбы, ни противоречий. В. Жданов подверг критике статью проф. В. Десницкого «Горький и национальные традиции русской литературы», напечатанную в «Ученых записках» Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. В обсуждении статьи В. Жданова приняли участие преподаватели, аспиранты, студенты. Выступившие в прениях доценты С. Киселев, А. Докусов, А. Григорьев, преподаватели тт. Шилин, Кролик и другие признали правильной критику статьи проф. В. Десницкого.

В. Десницкий смазывает вопрос о новаторской роли А. М. Горького — зачинателя новой социалистической литературы. Автор оказался в плену буржуазно-либеральных представлений об историко-литературном процессе. В своем выступлении проф. В. Десницкий признал ошибочность многих положений своей статьи (неверная, односторонняя характеристика писателей прошлого, абсурдное и недопустимое сближение Горького с реакционными писателями, с Достоевским и т. д.).

В принятой резолюции ученый совет согласился с оценкой статьи В. Десницкого, данной в «Литературной газете», и отметил, что в деятельности совета, в работе кафедр, отдельных научных работников до сих пор не изжиты аполитичность, ложный об'ективизм; наблюдается разрыв теории с боевыми задачами современного литературоведения. Ученый совет не стал руководящим центром всей научной работы факультета и ограничивает свои функции лишь утверждением диссертаций.

Резолюция призывает научных работников института к тому, чтобы вся педагогическая и исследовательская работа была пронизана духом большевистской партийности, непримиримой борьбой с пережитками буржуазной идеологии в науке о литературе.

Проблемы Кузбасса

Научная конференция в Кемерово

Видные ученые, представители министерств, партийных и советских организаций, руководящие работники промышленности и сельского хозяйства, новаторы производства, передовые люди колхозной деревни примут участие в конференции по изучению производительных сил Кузнецкого бассейна. Конференция, которую созывают Академия наук СССР, Госплан СССР и Кемеровский областной Совет депутатов трудящихся, откроется 17 ноября в Кемерово.

Председатель совета по изучению производительных сил Академии наук СССР академик Л. Д. Шевяков рассказал корреспонденту «Литературной газеты»:

— Кузнецкий бассейн — сокровищница огромных природных богатств. По горно-геологическим условиям залегания углей, высокому их качеству и условиям добычи Кузбасс принадлежит к наиболее замечательным угольным бассейнам мира. Кузнецкий бассейн и прилегающие к нему районы обладают ценными месторождениями железа, марганца, цинка, огнеупорных глин, известняка и других полезных ископаемых.

До Великой Октябрьской социалистической революции все эти богатства оставались почти неиспользованными. За годы советской власти Кузбасс, по инициативе товарища Сталина, превратился в один из крупнейших индустриальных центров СССР, стал важнейшим звеном гигантского Урало-Кузнецкого комбината.

Дальнейшее всемерное развитие Кузбасса — одна из важнейших и первоочередных народнохозяйственных задач. В послевоенной сталинской пятилетке в районе Кузбасса продолжается рост угольной, железорудной, коксохимической, машиностроительной промышленности и промышленности строительных материалов. Расширяется железнодорожная сеть, благоустраиваются города и горнозаводские поселки.

Значительное развитие должна получить черная и цветная металлургия. В крупных масштабах может развернуться выработка сельскохозяйственных удобрений, анилокрасочная, лакокрасочная и химико-фармацевтическая промышленность, производство пластмасс, искусственного волокна, смазочных масел и т. д.

Одно из важнейших условий развития промышленности Кузбасса и всей Западной Сибири — расширение транспорта, особенно железнодорожного. Крупный приток населения потребует обширного городского строительства и дальнейшего под'ема сельского хозяйства.

Чтобы наиболее эффективно и комплексно решить задачи, стоящие перед Кузбассом, решить их на основе новейших достижений советской науки и техники, созывается конференция по изучению производительных сил бассейна. Ее цель — не только подытожить наши знания о природных богатствах края, указать пути их рационального использования в экономических целях, но и дать необходимые научные обоснования для дальнейшего планирования.

На пленарных и секционных заседаниях будет сделано более ста докладов и содокладов. Стержнем конференции явится доклад Госплана СССР о перспективах развития народного хозяйства Кузнецкого бассейна в связи с решением основной экономической задачи СССР.

Другие доклады на пленарных заседаниях посвящаются ведущим отраслям народного хозяйства Кузбасса — угольной, черной металлургии, химической, а также его геологии и полезным ископаемым.

Над решением отдельных проблем будут работать 11 секций. Видное место отводится вопросам культуры, градостроительства и городского хозяйства.

В работах конференции примут участие академики, члены-корреспонденты Академии наук СССР, научные работники Москвы, Ленинграда, Томска и других центров страны.

И здесь нужно вдохновение!

П. ПАВЛЕНКО

Область субтропиков в Советском Союзе невелика. Следовательно, она должна быть использована как можно эффективнее. Наиболее отстающими в реконструкции районами являются горные. Горы еще как бы в стороне от того бурного преображения, которым охвачены равнины. Горы еще считаются у нас чем-то вроде кустарей. О них ходят слухи, что они, так сказать, «нетракторопособны». Посмотрим, так ли это? И в качестве примера возьмем культуру винограда.

В Советском Союзе под виноградом насчитывается несколько сот тысяч гектаров. Это и много, и в то же время мало, если исходить из наших потребностей в винограде и его производных. Площадь виноградников из года в год будет неуклонно расти, причем наиболее быстро — в предгорных и горных районах нашего юга. Уже и сегодня у нас более 163 тыс. га виноградников расположены в горах, но жители Грузии, Армении, Азербайджана и Среднеазиатских республик отлично знают, как много еще пустырей в их горных виноградарских районах. Любой крутой скат, обращенный к югу, сегодня предоставленный козам, просится под виноградники. На почве, которая была бы совершенно неприемлема для садовых культур, на раскаленном шифере, виноград как раз и выдается особенно удачным. Это верблюд среди растений, выносливый, терпеливый и долговечный труженик.

В решениях февральского Пленума ЦК ВКП(б) о мерах под'ема сельского хозяйства в послевоенный период уделено место и винограду. Более того — указано, что, начиная с 1948 г., должен быть возобновлен выпуск специальных машин для виноградарства.

В самом деле, каким образом и какими средствами можно добиться и скорейшего расширения площадей под виноградом и увеличения урожая на уже возделываемых площадях, как не с помощью механизации плантационных работ? Тем более, что уже с 1948 г. должно было быть посажено только лишь в колхозах 16 тыс. га новых виноградников.

Но если на равнинах помощь машины достижима даже иной раз без применения специальных орудий (хотя далеко не всегда и не во всех операциях), то в горных районах дело обстоит гораздо сложнее.

Там до сих пор только мечтают о машине-помощнице, на деле обходясь мотыгой, реже конным плужком.

Между тем, великолепные орудия для виноградных плантаций давно существуют не только в воображении конструкторов, но и реально. Они прошли в свое время испытания, были одобрены, рекомендованы и приняты, так сказать, на «вооружение» и тем не менее совершенно отсутствуют на производстве.

План увеличения виноградарского хозяйства, утвержденный партией и правительством, из-за этого срывается. Еще в 1938—39 гг. были, например, рекомендованы к выпуску так называемый дизель-культиватор и трехрядный агрегат для культивации и рыхления междурядий виноградников рядовой посадки. Орудия эти заменили бы труд десятков людей, и применение этих орудий на тракторопособных площадях освободило бы хозяйству несколько миллионов человеко-дней, не говоря уже о повышении урожайности.

Спустя год несколько этих орудий было выпущено кустарным способом мастерскими винкомбината «Массандра» для своих нужд. Они работали чрезвычайно успешно. Затем пришла война. О машинах не вспомнили и после февральского Пленума ЦК ВКП(б). Таким образом, благодаря упущению Министерства вкусовой промышленности (министр тов. Пронин) государству нанесен огромный ущерб. Освоение новых площадей идет медленнее, чем следовало бы. Однако Министерство сельского хозяйства (министр тов. Бенедиктов) тоже не проявляет особого интереса к машинизации виноградарства.

Между тем работы над созданием рациональных конструкций сельскохозяйственных машин для виноградарства ведутся, как мы видим, почти десятилетие. Уже созданы хорошие конструкции глубокорыхлителя «Р-80» и плантажного плуга «ПП-50». Применение этих орудий в виде одного агрегата заменяет ручной труд не менее 400 человек. Экономия гигантская! Может быть, хоть эти орудия производятся? Нет, не производятся.

Существует на Южном берегу Крыма учреждение, именуемое Всесоюзным институтом виноградарства и виноделия «Магарач». Это забытое своим министерством (Министерство вкусовой промышленности, министр тов. Пронин) учреждение должно возглавлять научную работу по виноградарству и виноделию решительно во всех республиках нашего Союза, где только произрастает виноградная лоза. Институт «Магарач» в крохотных мастерских своих, в сравнении с которыми мастерские любой МТС выглядят заводом-гигантом, спроектировал и соорудил еще в 1947 г. несколько новых типов орудий для наших горных площадей.

Тракторный виноградный плуг «ПВ-1,7» перепахивает междурядья шириной в два и два с половиной метра на глубину до 25 см, одновременно укрывая кусты землей на зиму (работа вразвал) или перепахивая с полуотрывкой (работа всвал).

Ну, а где же этот плуг? Министерство вкусовой промышленности, в ведении которого находятся конструкторы, вообще никак не отозвалось на его появление, а Министерство сельского хозяйства заказало его в количестве 100 штук заводу им. Октябрьской революции в Одессе, хотя, если подходить к вопросу серьезно, плугов нужно было бы заказать не менее двух-трех тысяч экземпляров. Заказ ста машин выглядел просто анекдотическим. Но лиха беда — начало. Дело лишь в том, что завод им. Октябрьской революции до сих пор не ведет даже подготовки к выпуску этих плугов, и, следовательно, виноградные хозяйства уже не получат к осенне-зимнему сезону 1948—1949 года не то что ста, но даже одного плуга, не будет их и весной 1949 г. И это в годы напряженнейшего развития южных спецкультур и всего субтропического хозяйства!

Тот же злополучный одесский завод Министерства сельскохозяйственного машиностроения задержал выпуск и другой жизненно необходимой универсальной машины «ВУМ-60» конструкции Всероссийского научно-исследовательского института виноградарства и виноделия Министерства сельского хозяйства РСФСР. Между тем, «ВУМ-60» производит освежение плантажа на глубину до 65 см. с одновременным внесением удобрения, выкопкой саженцев, закрывкой, рыхлением и др. Прекрасная, многообещающая машина. Но ее тоже нет.

Конструкторский коллектив института «Магарач» создал еще одно чрезвычайно полезное орудие — горный плуг-культиватор «ПКГ-1,0» для обработки виноградников с шириной междурядий в 1,5 метра. Плужок ходит на канатной тяге и удобен на самых крутых склонах, где обработка гектара вручную требует по меньшей мере 60 человеко-дней; он же делает полгектара в день. «ПКГ-1,0» нужно было бы для Крыма всего штук 70, и вопрос о нехватке рабочей силы в виноградных бригадах был бы радикально решен. Плуг этот настолько прост, что его решили делать своими силами, благо Керченский завод Облместпрома и один из севастопольских брались за него, если им помогут произвести некоторые затраты на подготовку, но ни Министерство сельского хозяйства, ни Министерство вкусовой промышленности участия в деле не приняли.

Плужок можно соорудить в любой хорошей кузнице. Тем не менее два министерства словно и не знают, что существует такое дешевое орудие, о котором мечтают колхозы и совхозы горных районов нашего юга.

Тот же творческий коллектив сконструировал бур для образования скважин при взрывном плантаже, совершенно новый прибор, применимый и в дорожном строительстве. Судите сами — на гектаре будущего виноградника нужно пробить до 8 тысяч метровых скважин, что делается пока вручную и занимает 500—600 человеко-дней. Бур удовлетворяется сорока человеко-днями, ибо рабочий делает не более 17 скважин за восьмичасовой рабочий день, а бур — двести. Кажется, 1 экземпляр бура заказало какое-то подсобное хозяйство на Южном берегу Крыма.

Убытки, нанесенные Министерством вкусовой промышленности его неумным пренебрежением к проблемам механизации виноградарства, исчисляются многими десятками миллионов рублей. Но дело не только в этих убытках. Потеряно дорогое время. Темпы реконструкции старых виноградников и закладки новых до сих пор катастрофически медленны. Не может быть поднята и урожайность плантаций.

Вопрос обо всех этих плужках и культиваторах восходит, однако, к еще более широкой проблеме, от которой до сих пор стоит в стороне Министерство сельского хозяйства СССР. Это проблема переустройства всего южного хозяйства нашей страны на базе максимального расширения зоны субтропических культур.

Виноградарство, табаководство, культуры эфиромасличных и цитрусовых сосредоточены, главным образом, в районах, считавшихся до сих пор тракторопособными лишь в незначительной степени. Взгляд этот неверен. Орудия на канатной тяге радикально меняют положение дел. Если взять, к примеру, Крым, то три МТС, оснащенные усовершенствованным прицепным инвентарем, в течение 1—2 лет совершенно изменили бы облик Южного берега Крыма, учетверив его доходность и решив сложный вопрос хронической нехватки рабочих рук.

Освоение пустошей пошло бы гораздо более высокими темпами. Реконструкция старых насаждений закончилась бы в сжатые сроки. Механизация работ на виноградных плантациях повлекла бы за собой механизацию обработки табачных участков, а табак — культура еще более трудоемкая, чем виноград. Освободившаяся рабочая сила могла бы быть использована для закладки цитрусовых плантаций и мелиоративных работ. Мы получили бы субтропический район с огромными возможностями, а главное, получили бы быстро, в течение нескольких лет.

Совсем недавно правительство выделило для Крыма значительное количество тракторов и специальных машин.

Советский юг будет меняться с невиданной быстротой. Наши горные леса с зарослями дикого кизила, алычи, дикой фисташки и фундука превратятся в гигантские лесо-сады. Уже и сегодня есть смысл создавать в некоторых колхозах Крыма и Кубани специальные орехо- и кизилофермы. Южные парки обогатятся эвкалиптами, культурой незаменимой в малярийных районах. Декоративное садоводство, опиравшееся в нашем Черноморье на разведение самого скучного дерева на свете — кипариса и бессмысленных буксусов, перестроится на лавро-вишню, фейхоа, японскую хурму.

Маленький вопрос о машинах для южных спецкультур насильственно задерживает решение целого ряда вопросов в гигантской проблеме советских субтропиков.

Хочется порекомендовать заинтересованным министерствам немножко вдохновения! Того самого вдохновения, которым одержимы низовые работники этих министерств, думающие о сталинском преобразовании советского юга, как о работе поистине легендарной.

Н. КАЛИТИН

СВЕТЛЫЙ МИР

«Когда смотришь пьесу Горького «Дети Солнца», то кажется, будто говоришь о жизни с большим, умным, сильным человеком... Горький, как мудрый руководитель, помогает стать на правильный путь, по которому нужно итти, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Все лучшее подымается со дна души... И хочется пройти через жизнь, не только не утратив то хорошее, что в тебе заложено, но, наоборот, выявить и развить все свои человеческие возможности...»

Читаешь эти строки, автору которых немногим больше семнадцати лет, и по-особому ясно понимаешь, чем является литература для нашей молодежи, какое огромное влияние оказывает она на формирование ее характера, взглядов, мироощущения.

«Пусть каждая из вас напишет о своем любимом произведении или литературном герое», — такая тема классного сочинения была предложена ученицам двух десятых классов 131-й московской школы. И вот передо мной большая пачка ученических тетрадок—ответы, написанные торопливым почерком (два урока — это ведь меньше двух часов, а сказать хочется так много!). В них мысли и чувства, которые рождают у молодого читателя произведения любимых писателей, требования, пред'являемые ими к литературе.

Да, они знают, чего хотят от литературы, эти еще совсем юные читательницы. В литературе они ищут ответа на большие и важные жизненные вопросы, в литературных героях хотят видеть образы для подражания, и больше всего они благодарны писателю, если его книга помогает воспитывать благородные чувства и стремления, является учебником жизни.

«Как только я услышала о том, что вышла новая книга писателя Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», — пишет в своем сочинении Л. Ганиченко, — я постаралась ее как можно скорее достать и прочитать. Меня заинтересовало название книги. Много раз до прочтения этой книги меня волновал вопрос о том, каким должен быть настоящий человек, человек сильный и истинно полезный Родине. И я себе составила вполне определенный образ такого человека, видя в нем идеал, к которому должна стремиться. Теперь у меня в руках была книга, в которой я думала найти подтверждение своим мыслям. И это предположение вполне оправдалось...»

А другая девушка—В. Глазунова свою работу об этом же произведении заканчивает такими словами: «Бывает трудно, и вспоминаешь образ Мересьева. Ведь ему было очень трудно, но он выдержал и победил. Это человек, у которого многому нужно поучиться».

Так глубоко конкретным содержанием наполняется в сознании юных читателей мудрое сталинское определение: писатели—инженеры человеческих душ. Наша молодежь благодарна Николаю Островскому за его Павку Корчагина, чья жизнь — вдохновляющий пример беззаветного служения делу коммунизма, П. Павленко за его Воропаева из романа «Счастье». Она благодарна А. Фадееву за созданные им с огромной жизненной убедительностью образы молодых краснодонцев, которые «стоят перед глазами: их понимаешь, у них учишься» (из сочинения И. Кузнецовой).

Восхищение и любовь авторов сочинений вызывают прежде всего те стороны характеров литературных героев, которые свойственны подлинно советским людям, воспитанным нашей большевистской партией. В Мересьеве они любуются его железной волей и беззаветной преданностью Родине. В герое павленковского «Счастья»—Воропаеве десятиклассницу Г. Шипову восхищает прежде всего то, что «на первом плане у него работа, люди; в первую очередь он стремится устроить жизнь других, а потом свою». Т. Гайлит считает характерной чертой большинства героев «Крушилихи» их «любовь к труду, целеустремленность, невозможность жить без нужного, полезного дела». В молодогвардейцах юных читателей пленяет готовность до последних сил бороться с врагами, великое чувство дружбы и товарищества, верность священной клятве, данной Родине.

«Я люблю этот роман потому, — пишет десятиклассница А. Блок,—что о каждом из его героев можно сказать: это—Человек! Я люблю эту книгу за то, что, когда читаешь ее, — большая, хорошая гордость наполняет душу, гордость за страну, которая вырастила таких людей, гордость за людей, которые победили смерть. Хочется крикнуть на весь мир: «Это счастье, что я живу в такой стране. Смотрите, какие у нас люди!» Читая эту книгу, хочется стать достойной молодогвардейцев, хочется стать такой же, как они».

Характерно, что, любуясь молодогвардейцами, восхищаясь их подвигами, выдержкой, силой воли, чувством товарищества, понимая, что «не пасть духом, не растеряться в тяжелые дни отступления, а взять в руки оружие, — это не так просто, как кажется», — никто из авторов сочинений не удивляется героизму краснодонцев. Каждому из них ясно, что и Олег, и его товарищи «просто не могли себе представить, чтобы в такое тяжелое время для страны можно было поступить иначе» (из сочинения В. Белецкой). Естественно убеждение, что «если враг снова захочет завоевать нашу страну, миллионы таких, как Уля Громова, Олег Кошевой, Люба Шевцова, Сергей Тюленин, встанут на путь борьбы, — и отступят тогда недруги перед великой силой советского народа» (сочинение С. Смирновой).

Чрезвычайно любопытно и характерно для нашей молодежи, для ее взглядов и идеалов отношение к литературным героям прошлого. Как правило, любимыми оказываются герои, обладающие качествами, которые в чем-то роднят их с людьми сегодняшнего дня. Две девушки из разных классов почти одинаковыми словами говорят о князе Андрее Болконском из «Войны и мира». «Жажда жизни... горячее желание быть полезным своему народу и родине... непоколебимая вера в силу русского духа... мечта об общественной деятельности, полезной для русского государства» — вот черты, которыми близок герой Толстого советской молодежи. Из пятидесяти сочинений не менее десяти посвящено героям романа Чернышевского «Что делать?», — и это, конечно, не случайно. «Я люблю роман «Что делать?» за его оптимизм, за связь идей Чернышевского с нашей действительностью», — пишет И. Коровкина. «Я думаю, что любая девушка хотела бы быть такой, как Вера Павловна, обладать такой же силой воли, быть честной и заботиться не только о себе, но и помогать другим», — читаем мы в сочинении Бондауровой. «Может быть, да и вернее всего, не было таких людей, как Рахметов, — начинает свою работу З. Волховская. — Но в нем воплощены те черты, которые вызывают уважение к человеку, стремление воспитывать их в себе».

Подробно раскрывая драму дяди Вани, В. Твардовская так заканчивает первую часть своего сочинения: «И если тяжелое впечатление оставляет история дяди Вани, то еще тяжелее становится при мысли о том, что множество людей жило такой жизнью и некоторые из них так и не прозревали». Нужны ли комментарии к этой фразе! В этом одном слове — «жило» отражена глубокая уверенность молодого человека нашей эпохи в том, что для его современника полностью исключена возможность подобной драмы, подобной жизни без цели, без смысла!

Наша молодежь—чуткий, благодарный и взыскательный читатель. От писателя она ждет не только глубоких мыслей и больших чувств, но и ярких образов, живой и увлекательной формы изложения. В своих сочинениях, посвященных чеховским рассказам, юные авторы с увлечением говорят о жизненности чеховских образов, об умении писателя «тонко передать душевное состояние человека», о чудесном мастерстве пейзажа. Свою работу об образе Аксиньи из «Тихого Дона» М. Шолохова А. Липовецкая начинает следующими словами: «Тихий Дон» — красивое, простое название одного из прекраснейших произведений». И говоря далее о глубине и значительности шолоховского романа, прибавляет: «Эта книга необыкновенно красивое произведение».

Богат и светел внутренний мир нашей молодежи, чисты и благородны ее мечты и стремления. Творить для этой молодежи—большое счастье.

В. ЕРМИЛОВ

За боевую теорию литературы!

4. ПРЕКРАСНОЕ—ЭТО НАША ЖИЗНЬ!

В предшествующих статьях[1] мы оспаривали точку зрения тех теоретиков и критиков, которые исходят в своих рассуждениях о социалистическом реализме и революционном романтизме не из особенностей нашей живой действительности, определяющей стиль и метод советской литературы, а из отвлеченных, «извечных», внеисторических литературных понятий реализма и романтизма. Эта позиция, способная увести нашу литературу и ее теорию от современности, связана, как мы видели, со своеобразной лжеромантической тенденцией, проявившейся в статьях некоторых критиков и теоретиков. Они подменяют социалистический реализм — романтизмом, фактически отождествляя революционный романтизм советской литературы с романтизмом старого типа, об'являют чуть ли не весь старый романтизм «прогрессивным» или «революционным». Это противоречит тому определению социалистического реализма и революционного романтизма, которое было дано А. А. Ждановым. Указав, что революционный романтизм является составной частью метода советской литературы, товарищ А. А. Жданов подчеркнул, что наша литература стоит обеими ногами «на почве реальной жизни... на твердой материалистической основе» и что это «означает разрыв с романтизмом старого типа, с романтизмом, который изображал несуществующую жизнь и несуществующих героев, уводя читателя от противоречий и гнета жизни в мир несбыточного, в мир утопий». Приведенная характеристика, в разной мере, относится ко многим писателям прошлого, чей романтизм некоторые наши теоретики об'являют «прогрессивным» или «революционным», в частности, к тому же Диккенсу, романтизм которого был направлен на смягчение «противоречий и гнета жизни». Критики, ориентирующие наших писателей на учебу у романтизма старого типа, поднимают на щит слабые стороны прежней литературы, которая была сильна прежде всего своим реализмом.

Разобранные нами теоретические схемы не уживаются ни с ленинским принципом отражения действительности, ни с ленинским принципом большевистской партийности литературы.

Мы видели, что сторонники критикуемой нами точки зрения «выводят» романтическое начало не из отражения в литературе об'ективной действительности, а из «привнесения» романтизма в изображение жизни. Романтическое начало как бы самозарождается в глубинах «духа» художника. Недоверие к реализму об'ективно переплетается у некоторых критиков и с недоверием к действительности, поскольку они зовут художников «дополнять» изображение жизни романтизмом, вместо того, чтобы помогать художникам раскрывать героическую, романтическую сущность самой нашей жизни.

Принцип **большевистской партийности** литературы — коренной принцип социалистической эстетики — требует от литературы участия в борьбе за осуществление послевоенных сталинских пятилеток, за скорейшее построение коммунизма. Принцип партийности требует от литературы и ее теории активного участия в изменении, созидании действительности. Эту действенную природу социалистической эстетики особенно глубоко понимали и чувствовали Горький и Маяковский. Мысль Ленина, высказанная в письме к Горькому, о том, что, не зная дел, совершаемых людьми, можно понять людей только внешне, была очень близка горьковскому пониманию задач литературы.

«Социалистический реализм, — говорил Горький, — утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, об'единенного в одну семью».

Недавно все мы, с чувством безграничной гордости и радости за партию большевиков, за нашу победоносную Родину, прочитали, взвешивая каждое слово, историческое постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». Специалисты-ученые изучают это постановление с точки зрения различных наук, практики делают свои выводы. Художники особенно глубоко чувствуют красоту преображения родной земли, романтическую поэзию небывалого размаха творчества, созидания, которым проникнуто постановление. Эта романтика тем более увлекает и захватывает, она **тем более романтична**, чем более научна, **реалистична**.

Романтизм в нашей действительности — а, значит, и в литературе — вытекает из величия наших реальных дел, из размаха нашего повседневного, трезво-деловитого, сурового, будничного труда, из широты открывающихся перед нами перспектив. Для Горького романтизм советской литературы был прежде всего романтизмом **деяния**, — иными словами, **романтизмом реальности**. Литература должна раскрывать красоту и величие дел, совершаемых советскими людьми, давать на языке поэзии большевистскую партийную оценку действительности, участвуя в ее созидании. И наши теоретики должны утверждать романтику нашего великого исторического дела, они должны не призывать к учебе у старого, бездейственного, оторванного от жизни, от борьбы и созидания романтизма, а **бороться** с его влияниями в литературе.

Эти влияния всегда влекут за собою творческие провалы и неудачи. Достаточно вспомнить хотя бы повесть «Двое в степи» Э. Казакевича. Автор искусственно выключил своего героя и его «спутника», символически выражающего Смерть, из всего «внешнего мира», сведя содержание повести к борьбе некоего Зла и некоего Добра в сознании героя. Автор всячески стремится «романтизировать» своего героя и его непреклонного, неумолимого, загадочного «спутника», он погружает все произведение в атмосферу библейски-торжественной символики, вводит, по апокалипсическим ассоциациям, образы символических коней — белого и черного. И все это еще более отталкивает от повести, раздражая искусственным романтизмом. Разумеется, весь этот ложный, фальшивый «метод» является оборотной стороной главной—**идейной**—ошибки автора, идеализирующего человека малодушного, виновного в гибели целой дивизии. Но ошибки художественного метода всегда так или иначе связаны с идейными ошибками. В самом деле, порочность повести «Двое в степи» заключается прежде всего в том, что автор хочет вызвать у читателя симпатию и сочувствие к своему герою, даже внушить мысль о какой-то душевной «красоте», советских качествах этого героя, не показывая красоты реальных дел, совершенных им, больше того, показывая его **безобразный** поступок. Эта ошибка является одновременно и идейной, и моральной, и эстетической. Главный художественный «прием» повести состоит в том, что автор **заменяет** приговор того военного трибунала, который должен судить героя, внутренним моральным «трибуналом» в душе героя, который сам осуждает себя, а автор, именно потому, что герой осудил себя, — морально оправдывает его. Это отвлеченное морализирование не имеет ничего общего с большевистскими, партийными моральными оценками, так же как не имеют ничего общего с социалистической эстетикой, с методом социалистического реализма идеализация, романтизация человека в отрыве от его реальных дел, от борьбы, от действия, а тем более (как это имеет место в повести) в противоречии с его делами и поступками.

Влияния старого, бездейственного, отвлеченного романтизма оказались губительными для талантливого писателя, который так порадовал читателя своей чудесной «Звездой». Это должно послужить предметным уроком для тех теоретиков, которые конструируют свои определения социалистического реализма и революционного романтизма в отрыве от реальной действительности, покидая тем самым **материалистическую** основу нашей социалистической эстетики. Товарищ В. М. Молотов указал в своем докладе на торжественном заседании Московского совета 6 ноября, что дискуссия по вопросам биологии «подчеркнула творческое значение материалистических принципов для всех областей науки». Это, несомненно, относится и к области эстетики.

Значит ли, однако, все сказанное, что можно считать случайным или незначительным самый факт усиления теоретического интереса у наших писателей к проблемам романтизма? Не проявились ли здесь — хотя и в ложной, искаженной теоретической форме — и некоторые положительные, жизненные запросы и потребности сегодняшнего развития нашей литературы? Думается, что дело обстоит именно так. И вина некоторых теоретиков усугубляется тем, что они не оказались на уровне своих задач, не смогли очистить здоровое, творческое ядро от заблуждений, а вместо этого слепо пошли за писательскими теоретическими заблуждениями, создав даже нечто вроде лжеромантической «школки» в критике.

В усилении интереса к вопросам романтизма сказались большие процессы, происшедшие в послевоенной литературе. Наша литература окончательно распростилась с влияниями буржуазного, низменного натурализма, серой прозаической бытовщины, со всеми стремлениями, под флагом об'ективистского беспристрастия и «беспартийности», фиксировать исключительное внимание на пережитках старого, смотреть на советских людей «сзади», употребляя выражение тов. А. Фадеева. Литература резко отмежевалась от всего того, что принижает человека, от всех влияний буржуазного декаданса.

Советский народ, совершивший всемирно-исторический подвиг, спасший человечество от гитлеризма, одерживающий все новые и новые блистательные победы на величественных фронтах мирного созидания, прокладывающий героический путь к коммунизму, потребовал от своей литературы подняться на моральный и идейный уровень подвигов, совершаемых нашими людьми. Стала особенно ясной вся моральная недопустимость таких явлений в литературе, которые означают умаление советских людей, покушение на их достоинство. Эти требования народа к литературе со всею силой выразил товарищ А. А. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград». Наши писатели ответили на требование партии и народа целым циклом произведений, прославляющих величие и духовную красоту советского человека.

Чем более глубокими являются победы строительства коммунизма, чем яснее проступают контуры прекрасного коммунистического будущего в сегодняшней действительности, тем яснее и величественнее встают перед нами героика, романтика, поэзия нашей жизни.

Так возникло стремление писателей высоко поднять романтически светлое утверждение образа советского человека, так возник и теоретический интерес к вопросам романтизма.

Но на путях, оторванных от живой, реальной романтики самой жизни, мы не найдем правильного решения этих вопросов, а лишь уведем литературу от жизни в ложно-романтические дебри.

Исходным положением для нас должна служить мысль А. А. Жданова о том, что вся жизнь большевистской партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба представляют собою сочетание суровой и трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами. Именно это сочетание и является источником **поэтичности нашей жизни**, именно оно и делает нашу действительность **прекрасной**, впервые сливая **идеал красоты**, эстетики **с реальностью**.

У нас порою еще сказываются пережитки вреднейших идеалистических и вульгарно-механистических воззрений, противопоставляющих эстетику—жизни, красоту — реальности. Так, недавно пришлось столкнуться с нигилистической позицией тов. В. Сарабьянова, выдвинувшего следующее положение:

«Искусствоведческие теории, утверждающие, что об'ектом искусства является прекрасное, — это пройденная ступень. Об'ект искусства — жизнь, и мы должны требовать от искусства, чтобы оно в художественных формах отражало жизнь, отражало нашу эпоху»[2].

Рассуждения такого рода находятся на чрезвычайно низкой «ступени» по сравнению с тем уровнем, которого достигла русская революционно-демократическая эстетика, чьи традиции мы наследуем и развиваем. **Прекрасное — это жизнь!** Выдвигая этот свой знаменитый тезис, Чернышевский не противопоставлял прекрасное — жизни, подобно ликвидаторам красоты вроде тов. В. Сарабьянова, а стремился к слиянию эстетики и реальности. Белинский учил художников находить и утверждать поэзию жизни. Великие критики выразили закон демократического, реалистического искусства, которое, в отличие от старого романтизма, стремилось открывать красоту самой действительности.

Для нас, в нашу эпоху, тезис Чернышевского о том, что прекрасное — это жизнь, мысли Белинского о поэзии жизни наполняются новым содержанием. Прекрасное — это наша живая социалистическая действительность, наше победоносное движение к коммунизму, вдохновляемое и руководимое партией Ленина—Сталина.

«Чтоб поэтически воспроизводить действительность, — писал Белинский, — мало одного природного таланта, — нужно еще, чтоб под рукой поэта была поэтическая действительность».

История прежней литературы представляет собою историю непрерывного конфликта между поэзией, идеалом красоты, с одной стороны, и непоэтической, грубой прозой жизни — с другой стороны. И все же художники-реалисты настойчиво искали романтику и поэзию в реальной жизни.

Возьмем для примера художников эпохи Возрождения. Люди типа Бенвенуто Челлини воспринимали свою современность, как глубоко поэтическую, наполненную истинным драматизмом, увлекательными возможностями для проявления сил личности и тем самым—для искусства. Прозаическая, циничная сторона нового, устанавливавшегося исторического порядка еще отступала в сознании художников на задний план по сравнению с радостью освобождения от феодальных пут. Энгельс писал о деятелях Возрождения, что они «были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны авантюрным характером своего времени... Они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей»[3].

Но новый буржуазный строй сразу же принес с собою, на смену прежним феодальным авторитарным скрепам, не только гуманизм, а и новое, неслыханное, «усовершенствованное» зверство, аморальность. Гуманизм Отелло и цинизм Яго — таковы были две стороны, два полюса, два лика эпохи. Столкновение высокого мира Отелло с низменным миром Яго, этого шахматиста преступления, было и столкновением поэзии с безобразной прозой жизни. Торжествовала зловещая проза, растоптавшая красоту, гармонию, человечность. Предсмертная песенка Дездемоны была тоской самой поэзии, предчувствием гибели поэтического мира, поэтической мечты.

Все более обнажавшаяся перед художниками прозаическая сущность хозяина нового общества—буржуазии—порождала множество разнообразнейших форм непримиримого конфликта между поэзией и буржуазной действительностью. Один из последних крупных представителей критического реализма — Дж. Голсуорси вновь рассказал об этом конфликте в «Саге о Форсайтах»: красота жизни, воплощенная в образах неувядаемой Ирэн и ее сына, не может ужиться с Форсайтами, представляющими буржуазную прозу жизни. Форсайты, — в лице Сомса, его дочери,— жадно, по-собственнически, хищно хватают красоту, терзают и насилуют ее, а она с отвращением и ужасом бежит от них.

Столкновение мечты и красоты с прозой буржуазной действительности, трагедия крушения иллюзий — едва ли не главная тема всей мировой литературы критического реализма. «Утраченные иллюзии» были «обыкновенной историей».

Вся область деловой, государственной, политической, даже научной жизни буржуазного общества выступала в сознании всех крупных представителей критического реализма, как **враждебная красоте**.

«Житейские дела, — писал Теккерей в «Виргинцах», — образуют, по моему мнению, лишь небольшую часть того бюджета, которым располагает романист. Имея дело с военным сословием, где люди проявляют мужество или трусость, писатель, естественно, должен описывать различные интересные события, поступки, характеры, говорить об опасностях, преданности, героических смертях и т. п. вещах и потому, может быть, рискует вводить в свой рассказ действительные житейские дела. Но в других случаях они вряд ли могут фигурировать в наших романах. Так, например, большая часть жизни Фикулнуса посвящена продаже сахара, пряностей и сыра, Каузидикус проводит время над запыленными томами литературных произведений, Сарториус сидит, скрестив ноги, на своей доске и снимает мерку с джентльменов для пошивки сюртуков и брюк. Что сможет рассказать романист о профессиональном быте всех этих людей?.. Писатели не могут вводить в свои истории подробности таких профессий, как адвокатура, игра на бирже, полемическая теология, пошивка белья, портновское ремесло, аптекарское дело и т. п. Все, что может сделать писатель,—это изображать поведение людей вне их профессий, изображать их страсти, любовь, смех, развлечения, ненависть и т. д. и возможно лучше описывать их, не касаясь деловой стороны жизни... Поэтому, хотя большинство описываемых нами лиц занято серьезным делом и работает в определенных профессиях, мы сводим с ними читателя только тогда, когда они не заняты и не работают».

Таким образом, все, что было связано с деловой сферой, с трудом, с государственной, политической, общественной жизнью, выключалось из области поэзии, эстетики. Только военная доблесть да радости и муки любви представлялись художникам поэтическими островками в мутном море прозаической, пошлой повседневности. Коммерция и политика были «грязным делом», труд был не одухотворен, не наполнен внутренним смыслом и значением. Государство подавляло человека. Литература критического реализма XIX столетия равнодушно проходила мимо великих научных открытий, сооружений и строек своей эпохи, с недоверием, а то и с отвращением относилась к буржуазному прогрессу. Художники не могли не видеть, что этот прогресс служит в руках хозяев буржуазного мира наживе, порабощению и истреблению людей.

Русские революционно-демократические писатели находили источник поэзии, красоты, правды — в жизни народа, в его борьбе против рабства. Для Белинского «поэтической действительностью» был всенародный патриотический под'ем 1812 года, декабристское движение, крестьянские бунты и восстания. Но патриотическое единство народа в Отечественной войне против иноземного нашествия было кратковременным: совершив подвиг, народ получал в награду усиление крепостнического гнета. Народная жизнь была придавленной, вызывала у художников боль и муку контрастом своей моральной красоты и правды с угнетением, насилием, рабством, ложью. Конфликт поэзии с непоэтической действительностью представал, как одна из форм главного конфликта — угнетателей и угнетенных, эксплоататоров и эксплоатируемых. Тезис Чернышевского: прекрасное — это жизнь! — имел в виду ту духовную красоту народа и его идеалов, которая существовала в реальной действительности и должна была расцвесть в будущем вместе с победой над поработителями.

В нашей советской жизни поэзия, романтика стала **самой действительностью**, у нас нет конфликта прекрасного и реального, и поэтому у нас художник ищет источник красоты и романтики не в стороне от общественной жизни, от дела и труда, от профессий со всеми их подробностями. В этом, решающем отношении социалистический реализм прямо противоположен критическому реализму. Социалистическая эстетика считает невозможным художественное изображение человека вне его дела, вне его труда, овеянного поэзией социализма.

Маяковский был первым поэтом, который всеми образами своего творчества сказал, что вся будничная «проза» советской жизни **поэтична**. Невиданно расширилась область прекрасного. В сферу поэзии впервые вошла и вся повседневная жизнь государства, и все «обыкновенные», «прозаические» дела, и техника, и наука. У каждой профессии появилась своя романтика. В этом было новаторское величие Маяковского. Он явился создателем новой поэтики — **партийной поэтики утверждения** социализма, утверждения всей «прозы» советской жизни, прозы, ставшей поэзией.

В повести Б. Галина «В Донбассе» директор завода, инженер-металлург, говорит, что «если внимательно вглядеться, то можно всюду увидеть поэзию. — В каждом об'екте, — сказал он. — И на четвертой мартеновской печи, и на доменной... Нужно только лучше смотреть».

Художники прошлого мечтали о поэтической действительности, рвались к ней, страдали и мучились тем, что она унижена, подавлена в реальной жизни. У советских художников — «под рукой» торжествующая, одерживающая все новые и новые победы, весомая, зримая, могучая поэтическая действительность социализма. Надо уметь видеть ее повсюду, «в каждом об'екте»...

Удача молодого писателя В. Ажаева, автора романа «Далеко от Москвы», и заключается в том, что он умеет видеть поэзию в «каждом об'екте» производственного труда.

Автору явно нехватает мастерства, он сбивается порою на наивность, особенно в изображении личной жизни героев. Язык персонажей часто безличен, авторская речь также далека от яркости. Характеры многих героев очень мало индивидуализированы. Сюжет «Далеко от Москвы» прямолинеен, как нефтепровод, прокладываемый героями романа: ход сюжета и ход строительства нефтепровода полностью совпадают.

Чем же так волнуют нас эти страницы, почему роман увлекателен? Почему нам становятся интересными и близкими все технические подробности строительства, все споры на производственных совещаниях? Почему мы испытываем поэтическое ощущение при чтении романа, являющегося, в сущности, не чем иным, как художественно претворенным, большим производственным отчетом о сооружении скоростными, новаторскими методами нефтепровода на Дальнем Востоке в суровых условиях Великой Отечественной войны?

Продолжение в следующем номере.

[1] «Литературная газета» №№ 69, 73, 74.

[2] «Вопросы философии», № 1 (3), стр. 285.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 476.

ПОВЫСИТЬ ТРЕБОВАНИЯ К СОИСКАТЕЛЯМ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ

Статья «Конвейер диссертаций» Я. Френкеля и Э. Конюс, опубликованная в порядке обсуждения в № 50 «Литературной газеты», вызвала большое количество откликов. Часть из них была помещена на страницах нашей газеты. Основные мысли других читателей по вопросу о том, как улучшить подготовку и аттестацию научных кадров, были изложены в обзоре писем, напечатанном в № 80 «Литературной газеты». Публикуемая ниже статья подводит итог обсуждению и рассказывает о практических мероприятиях, принятых Министерством высшего образования СССР. Эти меры, несомненно, помогут устранить недочеты в работе аспирантуры и практике присуждения ученых степеней.

Советское государство широко открыло народу путь к образованию и науке. Около 15 лет назад, с целью поощрения научной работы и повышения квалификации научных и педагогических кадров, правительство установило для научных работников ученые степени и звания. Аттестации кадров советской науки был придан государственный характер.

Докторские диссертации, получившие одобрение Высшей аттестационной комиссии, как правило, являются крупными работами, вносящими ценный вклад в развитие советской науки.

Однако в практике присуждения ученых степеней и званий имеется еще немало недостатков, которые явились предметом критики на страницах «Литературной газеты». Эти недостатки приводят к тому, что в ряды советских ученых проникают иногда люди случайные, не способные к научному творчеству. Ответственность за это, прежде всего, ложится на ученые советы вузов и научно-исследовательских институтов. Отсутствие организованной работы с диссертантами, развернутых дискуссий и критики в процессе защиты диссертаций, недостаточная активность членов советов и нарушение правил—все это свидетельствует о слабой работе многих ученых советов. Некоторые из них либерально, а порою безответственно относятся к оценке работ соискателей.

Существенным недостатком некоторых диссертаций являются слабая разработка важнейших вопросов советской науки и социалистического строительства, отход от актуальных проблем современности. В диссертациях отдельных соискателей проявляется раболепное преклонение перед иностранщиной.

Высшая аттестационная комиссия при Министерстве высшего образования СССР еще слабо контролирует деятельность советов институтов, подчас ограничиваясь только отменой незаконных решений и осуждением ошибок, обнаруженных в уже защищенных диссертациях. Высшая аттестационная комиссия слабо следит за тем, как организована работа с диссертантами в институтах, насколько актуальна тематика подготовляемых к защите работ, как проводится самая защита диссертаций на ученых советах и т. д.

Далеко не всегда удовлетворительно работают экспертные комиссии ВАК, роль которых, как известно, чрезвычайно велика. Нередко экспертные комиссии не дают развернутых и убедительных заключений по диссертациям, подолгу задерживают свои отзывы. В практике работы советов институтов и Высшей аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней и званий имеется немало и других недочетов.

Однако Министерство высшего образования СССР считает, что все эти недостатки не являются следствием каких-либо пороков существующей у нас системы аттестации научных кадров. Министерство разделяет мнение тех читателей «Литературной газеты», которые находят, что авторы статьи «Конвейер диссертаций» Я. Френкель и Э. Конюс «слишком мрачными красками рисуют действительность, преувеличивают значение «потока» плохих диссертаций, принимают частное за общее и опорочивают всю систему подготовки кадров».

Состоявшийся недавно пленум Высшей аттестационной комиссии подвел итоги своей работы за год, обсудил материалы, опубликованные в «Литературной газете», и принял ряд практических мероприятий, направленных на улучшение дела аттестации советских ученых.

Высшая аттестационная комиссия отметила, что «Литературная газета» правильно отражает мнение научной общественности, настаивая на усилении контроля за присуждением ученых степеней и пред'явлении к соискателям более высоких требований. Диссертации, защищаемые в советах вузов и научно-исследовательских институтов, должны представлять собой труды, действительно ценные для теории и практики.

Пленум подчеркнул, что советские ученые, которым доверяется оценка диссертаций и научной квалификации соискателей, несут большую ответственность перед государством и народом и не должны допускать засорения кадров советской науки — самой передовой в мире — случайными людьми.

Для того чтобы была обеспечена правильная оценка научных трудов соискателей ученых степеней, защита диссертаций должна проходить как широкий научный диспут, на котором соискатель защищает выдвинутые им новые положения и идеи. Развернутая критика является непременным условием повышения качества научных работ и правильного суждения о квалификации соискателя.

Для более широкого привлечения научной общественности к участию в публичной защите диссертации решено заблаговременно размножать развернутые тезисы диссертаций в количестве до 200 экземпляров и рассылать их специалистам соответствующих областей науки и заинтересованным учреждениям.

Изменен также и порядок назначения официальных оппонентов. Теперь они будут утверждаться учеными советами по рекомендации соответствующих кафедр, лабораторий и отделов институтов. Уточнены права ученых советов институтов по приему диссертаций. Установлено, что право приема кандидатских диссертаций советы имеют лишь при наличии в своем составе не менее трех докторов данной области науки, а для приема докторских диссертаций — не менее семи докторов данной области науки. В случае отсутствия в составе совета необходимого количества крупных специалистов по определенной области знания, Высшая аттестационная комиссия будет кооптировать в состав совета специалистов из других научных учреждений.

Утверждены строгие сроки прохождения дел в Высшей аттестационной комиссии. Установлено, что эти сроки должны быть не больше 3—8 месяцев, в зависимости от характера научной работы.

Решено усилить контроль за работой советов по присуждению ученой степени кандидата наук путем рассмотрения большей части кандидатских диссертаций в порядке проверки экспертными комиссиями и референтами Высшей аттестационной комиссии. Советы институтов предупреждены о том, что в случае нарушения ими установленного порядка защиты диссертаций будет поставлен вопрос о лишении их права приема диссертаций на соискание ученых степеней.

Серьезного внимания заслуживает критика «Литературной газетой» недостатков в подготовке научных кадров через аспирантуру.

Товарищи, высказавшиеся по этому вопросу, правильно отмечают, что из аспирантуры должен быть окончательно изгнан дух школярства, что аспирантам должны быть созданы все условия для самостоятельной творческой работы.

Партия и правительство уделяют постоянное внимание аспирантуре. Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Министров СССР совсем недавно приняли решения об улучшении дела подготовки научных кадров через аспирантуру.

Этими решениями определены, в частности, четкий порядок комплектования аспирантуры, сроки и методы обучения в ней. Между тем, некоторые предложения, высказанные читателями «Литературной газеты», явно противоречат указанным выше решениям и потому не могут быть приняты. Задача состоит сейчас не в том, чтобы выискивать новые формы работы аспирантуры, а в том, чтобы на основе указаний ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР добиться решительного улучшения дела подготовки научных кадров.

Все перечисленные мероприятия направлены к улучшению практики присуждения ученых степеней и званий и к борьбе с теми извращениями правительственных решений, которые имели место.

Предложение же авторов статьи «Конвейер диссертаций» тт. Я. Френкеля и Э. Конюс о замене существующего порядка присуждения ученых степеней и званий решениями специальных жюри признаны неверными, отстраняющими от этого важного дела общественность и государственные организации.

Обсуждение на страницах «Литературной газеты» вопросов о том, как улучшить практику подготовки и аттестации научных кадров, привлекло внимание общественности и, несомненно, сыграло положительную роль. Практические меры, принятые ВАК в связи со справедливой критикой недостатков, помогут их устранению. И в дальнейшем большевистская критика недочетов будет способствовать росту и совершенствованию научных работников, призванных решать важные задачи советской науки, социалистического строительства.

Заместитель министра высшего образования СССР проф. А. ТОПЧИЕВ
Члены президиума Высшей аттестационной комиссии
академик А. БЛАГОНРАВОВ
академик А. ТЕРПИГОРЕВ

Вечер, посвященный памяти И. С. Тургенева

В 1948 году—две памятные даты, связанные с именем замечательного русского писателя И. С. Тургенева, — 130 лет со дня рождения и 65 лет со дня смерти.

Постоянная тургеневская комиссия Союза советских писателей организовала вечер, посвященный памяти Тургенева. Вечер этот был не совсем обычным. Он состоялся не в Доме литераторов, а в зале читальни им. И. С. Тургенева в Москве. В переполненной комнате рабочие, студенты, учащиеся средней школы с интересом слушали выступление писателя И. Новикова — председателя тургеневской комиссии. Он говорил о неумирающих образах, созданных замечательным художником, о подлинной правде жизни, запечатленной на страницах его романов, о чудесных зарисовках родной русской природы. И. Новиков привел отрывок из письма Гончарова, написанного им на чужбине после прочтения тургеневской книги: «И вчера, именно вчера, случилось это: как заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и, что всего приятнее, — среди этого стоял сам Иван Сергеевич... и прощай Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орел, Курск, Жиздра, Бежин луг — так и ходят около. Кланяйтесь ему и скажите это от меня...»

П. Щекин-Кротов выступил с сообщением о «Записках охотника» — этой своеобразной поэме в прозе о великом русском народе, народе талантливом, мужественном, обладающем ясным, светлым умом и большим сердцем.

Отношению Тургенева к Западу посвятил свой доклад проф. Н. Бродский. Тургенев всегда различал две Европы. Он ценил Францию Мольера, Вольтера, Францию демократическую, прогрессивную и запечатлел ее в рассказе «Наши послали», но он высмеивал мещанскую Францию. Его симпатии — на стороне Англии Свифта, Шекспира, Байрона, он создает в стихотворении «Крокет в Виндзоре» памфлет на реакционную Англию. Он видел две Германии — Германию Бетховена и Моцарта, Шиллера и Гете, а с другой стороны — шовинистическую юнкерскую Германию.

После докладов и выступлений состоялся концерт.

ДЕНЬ СОЗИДАНИЯ

Четверг 28 октября—рядовой день года. Но как по-разному прожил мир этот день!

Лондон ознаменовал его новым выступлением Черчилля в палате общин с очередным призывом к войне. В Вашингтоне и Нью-Йорке газеты продолжали трубить об агрессивном северо-атлантическом блоке. Министр внутренних дел парижского правительства социал-фашист Жюль Мок в этот день отправил дополнительные отряды карателей с танками, пушками и пулеметами против бастующих французских горняков, требующих обеспечения прожиточного минимума. В одном из городов американской зоны оккупации Германии—Штуттгарте—полиция в этот день расстреляла участников 60-тысячной демонстрации рабочих, протестовавших против снижения заработной платы и повышения цен. В Афинах монархо-фашисты, поощряемые Ван-Флитом, видимо, в ответ на сообщения об открытии новых школ и больниц в освобожденных деревнях Пелопоннеса, ввели военное положение в стране и образовали новые военные трибуналы...

Пытаясь спасти от крушения свои устои, империализм строит расчеты на усилении агрессивности своей политики, на создании атмосферы военной истерии и т. п. Но он уже не в состоянии задержать поступательный ход истории.

«Устои империализма, — отмечал В. М. Молотов в своем докладе о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, — все больше разрушаются и становятся ненадежными... Одновременно с этим международный лагерь сторонников мира и демократии, в авангарде которого стоит СССР, все больше крепнет, превращаясь в великую и несокрушимую силу».

Новая, созидательная жизнь идет в странах, отпавших от капитализма после второй мировой войны и вступивших на путь социализма. В них осуществляются планы под'ема промышленности, сельского хозяйства, культуры и материального благосостояния народов. Каждый день они делают все новый и новый шаг вперед. Об этом красноречиво свидетельствуют помещаемые ниже сообщения о событиях только одного, будничного дня столиц трех стран народной демократии — Польши, Болгарии и Венгрии.

Двенадцать часов Варшавы

28 октября 1948 года. Восемь часов утра. В Варшаву в'езжают автомобили, прилетают аэропланы, прибывают поезда.

Это обыкновенное для всех столиц мира явление означает нечто необыкновенное для Варшавы.

Для того, чтобы можно было теперь так вот просто высадиться из поезда, нужно было наново проложить рельсы, возвести здание вокзала и склады, наново проложить и расширить туннель.

Около четырех лет столица Польши могла похвастать перед всеми столицами мира лишь самым трагическим рекордом—рекордом разрушения. Сегодня она устанавливает прекраснейший рекорд восстановления.

Гордость новой Варшавы—это прямая и ровная магистраль, тянущаяся с юга на север, шириной в 120 метров. Другая трасса пересечет город с запада на восток — это крупное строительное событие Польши.

Сантиметр за сантиметром, метр за метром прокладывается с востока на запад трасса, на которой работают сегодня 3500 человек. Здесь день отличается от ночи только источниками освещения. В туманной дымке осеннего солнца и при свете электрических рефлекторов одинаково ворчат моторы, трещат землечерпалки, завывают механические сверла.

Весь народ в едином порыве отстраивает столицу новой Польши. Когда 1 февраля 1945 года правительство решило перенести столицу из Люблина в Варшаву, едва 7 процентов зданий было пригодно для жилья. Сегодня в городе насчитывается 600 тысяч жителей. До конца года население получит еще 258 тысяч комнат.

Варшавский жилищный кооператив строит квартиры для 10.000 человек. Это будет самостоятельный комплекс жилых кварталов с зелеными насаждениями, магазинами, школами, кинематографами. По примеру советского строительства, дома строят здесь скоростным способом.

Восстановлены театр, университет. Там, где еще недавно были груды мусора, заканчивается строительство сводов нового здания сейма. Сооружается квартал науки.

— В апреле, — рассказывает инженер Прокопович, — мы вышли на разрушенную площадь. Стоя по колено в воде, рабочие вколачивали сваи для фундамента огромного Дома польской печати.

А теперь уже поднялись здесь над землей восьмиэтажные корпуса.

Одиннадцать часов дня. Творцы и строители нового государства собрались на 48-е пленарное заседание польского сейма. Буря аплодисментов—на трибуну выходит невысокий, широкоплечий человек в скромном костюме. Это—президент Польши, председатель Государственного совета, первый секретарь Центрального Комитета Польской рабочей партии. Ровным голосом, без ложного пафоса, товарищ Берут говорит о насущнейших проблемах, которые стоят сегодня перед рабочим классом и всем народом Польши. Ближайшая и важнейшая задача—об'единение рабочих партий после долгих лет раскола.

Президент развернул перед сеймом величественную картину успехов в выполнении трехлетнего плана и предстоящей борьбы за осуществление нового шестилетнего плана.

— Если сравнить это положение вещей,—говорит Берут,—с явлениями, которые мы наблюдаем во многих европейских странах, явлениями экономического загнивания, безработицы, падения жизненного уровня трудящихся и непрерывного снижения их заработка, все возрастающего наступления империализма против самостоятельности и независимости этих стран, то становится ясным, насколько правильным был путь, на который мы вступили, путь свержения капиталистов и помещиков, путь ликвидации всевозможных попыток покушения империалистов на нашу независимость, путь братского сотрудничества и дружбы с Советским Союзом и странами народной демократии, путь через народную демократию к социализму...

В этот же день под возгласы «браво» сейм принял в третьем чтении текст новых государственных правил о службе здравоохранения, о государственном плане создания современной прогрессивной системы охраны здоровья широких масс трудящихся.

Слова Берута об укреплении союза между странами народной демократии живо перекликались с собранием, происходившим 28 октября в самом большом зале Варшавы. Польский народ приветствовал здесь представителей своего друга и соседа — Чехословакии в связи с тридцатилетием ее независимости.

...В светлых и теплых залах Народного музея собралось много народа.

Мы—на выставке советской книги, оформленной с большим художественным вкусом.

Размещенные по разделам книги, фотографии авторов и очень любопытные диаграммы возбуждают интерес посетителей. Книжный киоск просто облеплен со всех сторон:

— Я хотел бы купить «Войну и мир».

— Сколько стоит польско-русский словарь?

— Дайте мне что-нибудь для детей...

И еще одно событие в культурной жизни Варшавы. Передовые польские писатели, скульпторы, музыканты, работники театров собрались со всей страны на совещание, созванное по инициативе отдела пропаганды, просвещения и культуры ЦК ППР. Речь шла о необходимости по-настоящему взяться за отображение в литературе и искусстве фундаментальных проблем жизни и деятельности рабочего класса и трудящихся масс. Всестороннее горячее обсуждение назревшего вопроса послужит делу нового под'ема культуры Польши.

Вечером тысячами огней засверкала Варшава. Особенно ярко, казалось, горят они на берегу Вислы, в районе Мариенштадта. Там—самые новые дома столицы. В этот вечерний час варшавяне спешат в кино и театры. А на мосту Домбровского вспыхивают и гаснут ослепительные огни электросварки—стройка продолжается...

...Многогранен и содержателен день польской столицы. Обо всем не напишешь. Одно слово—созидание—может лучше всего определить характер этого дня.

Мария ЯРОХОВСКАЯ

Редакция газеты «Глос люду»

ВАРШАВА

Заря над Будапештом

Заря встает над Будапештом. На улицах еще горят фонари, а в южной части города уже кипит жизнь. Здесь, на огромном пространстве у Дуная, раскинулся оптовый рынок. Гудки паровозов; скрип вагонных колес. Стрелы двух гигантских под'емных кранов встречаются и расходятся, извлекая ящики и корзины из трюмов. В предрассветных сумерках движутся крестьянские подводы. Крестьянство посылает и доставляет Будапешту продовольствие. Подстрекательство и саботаж кулаков не достигают цели: союз рабочего класса и трудового крестьянства становится все прочнее.

Напротив рынка, за узким рукавом Дуная, — остров Чепель. Это крупнейший промышленный центр страны. Из открытых ворот завода выходит очередная колонна тракторов, отправляющихся в задунайские деревни. Велосипеды, инструменты, посуда — тысячи различных товаров дает стране Чепель. Завод баронов Вейс в прошлом, он ныне служит народу, как и любое другое венгерское предприятие, на котором занято более ста человек.

Сегодня днем в жизни Чепеля произошло важное событие: состоялось производственное совещание коллектива. Рабочий, ставший генеральным директором завода, представил совещанию план дальнейшего расширения производства и уменьшения себестоимости продукции. До сих пор, благодаря трудовому соревнованию и рационализаторским предложениям, сэкономлено 25 миллионов форинтов. Но чепелевцы не хотят остановиться на этом. Бригада мартеновцев обязалась бережно расходовать уголь и сэкономить триста тысяч форинтов. Такие обязательства принимали и другие бригады. Лица рабочих светились радостью: сегодня и в будни праздник — праздник труда и строительства социализма.

Город быстро залечивает раны войны. Восстановлены три из семи мостов через Дунай, взорванных немецкими варварами. Там и тут поднимаются новые дома.

По утрам улицами завладевает детвора. Шумливый ребячий поток расчленяется на сотни ручейков, каждый из которых вливается в здание с вывеской «Государственная школа». Еще полгода назад школы находились в руках католической церкви. Они воспитывали детей в духе, враждебном демократии. Народ не потерпел этого и потребовал передачи школ в руки государства. Но до сих пор у под'ездов школ вертятся агенты кардинала Миндсенти, уговаривающие детей переходить учиться в частные школы; по вечерам монахи превращаются в «домашних апостолов» — сеятелей диктуемой Америкой лжи и неуверенности. Но дела этих «апостолов» становятся с каждым днем хуже,—народ гонит их из своих домов.

...В конце октября рано сгущаются сумерки. Но темп жизни не замедляется. Мы заходим в здание районной коммунистической парторганизации. За длинными столами сидят мужчины и женщины, молодежь и старики: они учатся в кружках. С тех пор, как партия призвала овладеть марксистско-ленинской теорией, в Будапеште учатся многие. В другом углу комнаты беседуют рабочие, в воскресенье они поедут в отдаленную деревню, где помогут крестьянам восстановить школу. Работа таких «ходоков в деревню» все более упрочивает рабоче-крестьянский союз и наносит скрывающейся в деревнях клерикальной реакции поражения, одно сильнее другого.

Тысячи простых людей приходят, как домой, в маленькие помещения, занимаемые партийными организациями, чтобы разрешить волнующие их вопросы, получить совет.

После трудового дня мы видели чепельских рабочих в прекрасной библиотеке, на спевке хора, на курсах по повышению квалификации, на стадионе (футбольная команда Чепеля — чемпион страны), а многих — в городе, в Национальном театре и Опере.

Вечером городские кино и театры переполнены трудящимися,—профсоюзы обеспечивают их билетами.

Ночь. Улицы пустеют и темнеют.

На вершине горы Геллерт неугасаемо светится видимая из любого пункта венгерской столицы статуя Свободы. Она воздвигнута народом во славу Советской Армии и Советского Союза, освободившего Будапешт и Венгрию, помогающего ее возрождению и развитию.

Тибор МЕРАИ

Редакция газеты «Сабад неп»

БУДАПЕШТ

В трудовой Софии

Утром 28 октября софийские газеты опубликовали сообщение Государственной плановой комиссии о выполнении народнохозяйственного плана за третий квартал 1948 года. Сухие цифры. Но они полны радостного звучания. Уровень промышленного производства увеличился по сравнению с прошлым годом на 44 процента. Значительно расширились площади посевов. Поднялась урожайность...

Позавчера народ был свидетелем досрочной сдачи в эксплоатацию высоковольтной электролинии Курило—Мездра, вчера—свидетелем завершения раньше срока постройки железнодорожной магистрали Ловеч—Троян, сегодня—досрочного выполнения производственных планов рядом предприятий.

Молодые рабочие паровозостроительного завода имени Георгия Димитрова в Софии вызвали сегодня на трудовое соревнование молодежь машиностроительного завода в Пернике. Коммунисты текстильной фабрики имени Георгия Киркова приняли решение о проведении ежедневных цеховых совещаний по повышению качества производимых товаров...

Из множества таких вот дел сложились цифры, опубликованные плановой комиссией. Они показывают наши успехи в борьбе за осуществление первого в истории страны двухлетнего плана восстановления и индустриализации народной республики.

И люди смело смотрят вперед. Перед ними открываются новые, захватывающие перспективы. Они зримы, эти перспективы. Коммунистическая газета «Работническо дело» опубликовала сегодня проект резолюции Центрального Комитета болгарской Рабочей партии (коммунистов) о первой болгарской пятилетке. Пятилетняя программа индустриализации и электрификации, кооперирования и механизации сельского хозяйства заложит прочные основы для построения социализма.

Рабочая партия (коммунистов) готовится сейчас к своему V конгрессу, который намечен на 5 декабря. В связи с этим во всех четырех районах столицы проходили собрания первичных партийных организаций, обсуждавшие предложенные ЦК БРП(к) изменения устава партии. В первом районе Софии сегодня открылись новые курсы по изучению истории ВКП(б).

Вечером 28 октября трудящиеся Софии отметили несколько знаменательных дат. Так, состоялось торжественное общегородское собрание, посвященное славной годовщине ВЛКСМ. Оно проходило под знаком стремления болгарской молодежи учиться у героического советского комсомола.

Общественность болгарской столицы отметила тридцатилетие независимости братской славянской страны—Чехословакии.

И, наконец, состоялся большой вечер, в котором приняли участие лучшие артистические силы Софии, посвященный 50-летнему юбилею МХАТ. Главный режиссер Народного театра Боян Дасовский сделал доклад о творческом пути Художественного театра. С большим интересом собравшиеся просмотрели советский фильм «Мастера сцены».

В этот день в Софии были прочитаны два доклада о Советском Союзе—явление частое в нашей жизни. В Болгарском экономическом товариществе доклад сделал Тодор Ломков, в лекционном зале Дома болгаро-советской дружбы—Петр Бутов.

Лекцией на тему «Прогрессивные идеи литературы славянских народов» национальный радиопередатчик начал цикл популярных лекций по славянской литературе.

Редакция газеты «Работническо дело»

СОФИЯ

Жоржи АМАДУ — НЕФТЬ и КРОВЬ

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, всякий, кто вздумал бы утверждать, что в почве Бразилии есть нефть, рисковал попасть в тюрьму. Печать, подкупленная «Стандарт Ойл», говорила о таких людях, что они являются «опасными элементами и коммунистами, состоящими на службе у Советского Союза». Официальные технические эксперты из министерства сельского хозяйства и промышленности усердно клялись, что в недрах Бразилии нет и капли нефти, и что народное движение борьбы за нефть было лишь поводом для ведения коммунистической агитации.

Бразильские коммунисты, верные патриоты своей страны, утверждали, что там имеется нефть. Но и другие честные люди, не коммунисты, утверждали то же.

Монтейро Лобато, один из лучших бразильских писателей, написал в 1936 году книгу под названием «Нефтяной скандал», в которой он не только доказал, что в недрах Бразилии есть нефть, но и показал, как по указке иностранных трестов саботировалась ее добыча. Писатель привел имена технических экспертов и политических деятелей, связанных с «Стандарт Ойл», и назвал суммы, которые каждый из них получил за то, чтобы упорно отрицать факт существования нашей нефти. Шесть месяцев Монтейро Лобато провел в тюрьме в Сан Пауло, где он вступил в контакт с коммунистами. С этого момента в политических взглядах Лобато произошли большие сдвиги, приведшие его, уже под конец жизни, в коммунистическую партию.

Готовя новые военные авантюры, империалисты-янки хотят добиться от Бразилии предоставления им военно-морских и воздушных баз, включая такие важные, как Наталь и Ресифе. Они стремятся завладеть нашим сырьем, в особенности нефтью.

После окончания второй мировой войны позиция американцев в вопросе о нашей нефти резко изменилась. Те же технические эксперты и политики, которые раньше отдавали приказы об аресте писателей, осмеливавшихся говорить о бразильской нефти, теперь подняли крик по поводу того, что Бразилия изобилует «черным золотом» — нефтью, что Бразилия—бедная страна, лишенная материальных средств, а посему должна предоставить разработку природных богатств нашим добрым сородичам, щедрым янки, которые готовы пойти на риск и вложить свой капитал в наши нефтяные промыслы. Правительство генерала Дутры, который и ныне кичится наградами, полученными от Гитлера, направило в парламент срочное послание с проектом «нефтяного статута», составленного все теми же специалистами и политиками, находящимися на услужении у «Стандарт Ойл». В тот период в парламенте еще были представители пролетариата — депутаты-коммунисты. Они выдвинули другой проект—о национализации нашей нефти. В связи с этим в стране началось массовое движение борьбы за нефть.

Политика, проводимая империалистами в латино-американских странах, крайне цинична. Газетные писаки даже не пытаются скрыть своего раболепия перед янки и готовы по их указке распространять любую, выгодную США клевету. Так, например, продажный журналист Маседо Соарес с развязной наглостью лакея писал в газете «Диарио Кариока»: «Коммунистам нет дела до моральных, материальных и политических интересов Бразилии. Коммунисты хотят лишить американцев минерального масла, которое якобы имеется в наших недрах».

Этот газетный гангстер, подкупленный Уолл-стритом, считает «выгодным делом» свое пресмыкательство перед империализмом янки. Но не таковы истинные чувства бразильского народа! Вся его ненависть к империализму нашла выражение в энтузиазме, с каким было встречено движение в защиту национальной нефти и против проектируемой правительством Дутры передачи ее «Стандарт Ойл». В стране были созданы сотни так называемых «центров защиты нефти». Тысячи рабочих, учащихся, писателей, деятелей искусств, офицеров об'единились для открытого протеста против планов Дутры и американских агентов.

В конце прошлого года в городе Бело Оризонте был созван второй конгресс бразильских писателей. На мою долю выпала честь произнести заключительную речь и подвести итог работам конгресса. На этом заседании мы единогласно приняли декларацию, главный пункт которой гласит, что защита мира является первоочередной, насущной задачей бразильского писателя. Задача эта непосредственно связана с необходимостью защиты демократии и борьбы за экономическую независимость родины.

В своей речи я подчеркнул всю важность движения за бразильскую нефть. Я указал на то, что бразильские писатели не могут стоять в стороне от борьбы народа против иностранных трестов. В то время как народные массы открыто выражали свои симпатии и любовь к СССР, который ратует за мир во всем мире, бразильские коммунисты в парламенте препятствовали принятию наглого «нефтяного статута», предложенного Дутрой. Правительство Дутры, намеревавшееся провести целый ряд антинациональных законов, порвало дипломатические отношения с Советским Союзом и изгнало из парламента меня и остальных коммунистических депутатов.

Народное движение за нефть продолжалось. 24 сентября, во время митинга, организованного в Рио-де-Жанейро центрами защиты нефти, полиция начала стрелять в народ из пулеметов. На этом митинге присутствовали три генерала, много офицеров, депутаты парламента и другие общественно-политические и культурные деятели. На следующий день 245 офицеров выступили с открытым заявлением, в котором они сообщали о своем намерении воспрепятствовать передаче бразильской нефти в цепкие лапы «Стандарт Ойл».

Для того, чтобы выиграть время, правительство Дутры обещало поспешить с покупкой нефтеочистителей во Франции и в Чехословакии. Но народ знает цену «маршаллизованному» правительству и твердо стоит на страже национальной независимости.

Защищая свое право на бразильскую нефть, рабочий класс и весь бразильский народ, его писатели, учащиеся и молодые офицеры знают, что они борются за мир. Бразильский народ знает, что своей борьбой за нефть он защищает свое независимое существование. Он борется против гангстеров, высасывающих нашу кровь, которые вслед за нефтью посягнут на наши базы, а затем потребуют в качестве пушечного мяса и нашу молодежь.

Писатель Монтейро Лобато недавно скончался. Его смерть оплакивал весь народ. Знамя борьбы за бразильскую нефть, которое он поднял так высоко, ныне подхвачено всем бразильским народом. Наша борьба — это борьба против американского империализма, за нашу национальную культуру, за процветание нашей родины, за нашу независимость, за мир.

ПАРИЖ

О. ПРУДКОВ — АГРЕССИЯ ДОЛЛАРА

Месяц назад близ небольшого американского городка Эглинфилда состоялись очередные маневры вооруженных сил США. В них приняли участие не только личный состав армии, авиации и флота, но также специально приглашенные ради такого торжественного события звезды Бродвея. Жрецы и жрицы искусства, получив задание «вдохновить» доблестных воинов, изобразили на сцене трогательную историю о том, как «неагрессивная демократия Намора» получает «оскорбительный и унизительный ультиматум» от «тоталитарного государства», именуемого «Делувия», и тогда уязвленный конгресс «Наморы» об'являет «Делувии» войну... Во избежание кривотолков американская печать еще до начала спектакля поспешила об'явить, что «неагрессивная демократия Намора» олицетворяет Соединенные Штаты Америки.

Может быть, и не стоило бы останавливаться на сценических забавах американских генералов, если бы не одно обстоятельство. Те же генералы, сменив мундиры на дипломатические фраки, пытаются приклеить ярлык «неагрессивная демократия» к любому самому агрессивному проявлению американской двухпартийной внешней политики.

Но достаточно обратиться к географической карте, и миф о «неагрессивной демократии» улетучится, как дым, — карта расскажет и об американской агрессии, и о размерах империи доллара, усердно расширяемой после второй мировой войны. Представителями «неагрессивной демократии» ныне густо усеян земной шар. «Если вы попробуете наудачу ткнуть булавкой в карту, вы попадете прямо в какого-нибудь американского генерала», — замечает в своей яркой, разоблачающей экспансионистские устремления США книге «Базы и империя» американский прогрессивный журналист Джордж Марион.

Первым об'ектом американской агрессии стал Западный континент. Джентльмены с Уолл-стрита прежде всего занялись постепенным покорением «добрых соседей». Шаг за шагом они прибирали к рукам экономику латино-американских стран. Образование Панамериканского союза, прямой захват ключевых позиций в Караибском море и на Панамском перешейке были лишь этапами американской агрессии.

В 1933 году банкир Ламонт, руководитель сети моргановских банков, потребовал «дальнейшей торговой и финансовой экспансии» в Западном полушарии. Притязания Ламонта и его коллег теперь удовлетворены. В состав американской империи включены базы в бывших британских владениях, а Панамериканский союз «обогатился» соглашением о стандартизации вооружения, унификации вооруженных сил и едиными обязательствами об «обороне».

Однако дельцы с Уолл-стрита и генералы из Пентагона не довольствуются этим. Они лелеют бредовые планы создания мировой империи. И агрессия выходит за пределы Нового Света. Прежде всего США пытаются овладеть прочными позициями на трех океанах — Тихом, Атлантическом и Северном Ледовитом.

Американцы стараются проникнуть во все уголки Тихого океана. Небывалое оживление царит в стране «белого безмолвия» — Аляске и на Алеутских островах. Янки укрепляют свои старые колонии — Филиппины, Гаваи, острова Гуам, Уэйк, Мидуэй и другие. Они стремятся закрепиться в английских, французских, австралийских, новозеландских владениях. Под видом опеки американцы хозяйничают на бывших японских подмандатных Марианских, Каролинских и Маршальских островах; под флагом оккупационного режима они полностью контролируют экономическую и политическую жизнь Японии и Формозы. В Японии теперь говорят: небо отвергло Хирохито и усыновило Макартура. Новый «сын неба» знает, что ему нужно делать, — «восходящее солнце» озаряет ныне десятки американских аэродромов и военно-морских портов.

История натиска на восток — к Атлантическому океану — характеризуется ожесточенной борьбой двух империалистических хищников — США и Англии. После второй мировой войны Англия фактически капитулировала, и Соединенные Штаты, укрепившись в Канаде и Гренландии, Исландии и на Азорских островах, проникли и хозяйничают в странах западного блока.

Северные базы в Атлантике и Тихом океане служат опорными пунктами для проникновения в Арктику.

С южных баз в Атлантическом океане через британский Гибралтар прямой путь ведет к странам средиземноморского бассейна, к Ближнему и Среднему Востоку. Здесь аргонавты с Уолл-стрита охотятся за нефтью. «Доктрина Трумэна следует по пятам рокфеллеров и мелонов. Никакие фимиамы не могут заглушить запах нефти», — пишет Джордж Марион. Американский солдат охраняет собственность нефтяных королей.

О подлинных и все возрастающих размерах американской агрессии свидетельствуют следующие данные. По подсчетам того же Мариона, Соединенные Штаты с начала второй мировой войны «приобрели вновь или закрепили свою власть над 250.887 тысячами квадратных километров океана и пред'явили притязания на власть и господство над 36.465 тысячами квадратных километров суши с населением в 645.815 тысяч человек». Вот что скрывается за ханжеской болтовней о «неагрессивной демократии» и сказками Маршалла о миролюбии США!

Любой захват чужой территории называется аннексией. Бизнесмены «усовершенствовали» международное право. Свои захваты они стыдливо именуют «базами».

Излюбленным методом американских империалистов является экономическая интервенция. Пользуясь своим экономическим превосходством и применяя «дипломатию доллара», еще на рубеже XX столетия цинично определенную президентом Тафтом как «политику замены пуль долларами», янки захватывают контроль над экономикой своих партнеров, приобретают базы и постепенно подчиняют целые страны.

Но между агрессией скрытой и агрессией явной нет принципиальной разницы. Тем более, что доллары отнюдь не заменяют пуль, а лишь часто сочетаются с ними. В случае необходимости крейсер американской средиземноморской эскадры в любой момент может внезапно появиться в Генуе, Салониках, Стамбуле и напомнить получателям долларов о пулях...

Неограниченная агрессия — таково основное содержание реакционной двухпартийной внешней политики США. Ее конечная цель ясна. Боссы «неагрессивной демократии» стремятся к мировому господству, стараются развязать новую войну. «С этой точки зрения понятно, почему во всех частях земного шара создаются все новые военные американские базы, почему американские власти хотят держать свои войска во многих странах...», — говорил В. М. Молотов в докладе на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1948 года.

Но у этих господ нет реальных шансов на успех. Сопротивление агрессии растет быстрее, чем сама агрессия. Банкиры и генералы создали 489 военных баз и подчинили своему влиянию продажных политиканов, однако возмущение народов неизменно опрокидывает их планы. И если США, как подсчитано Джорджем Марионом, полагают, что они приобрели после второй мировой войны территории с населением в 645 миллионов человек, то ведь эти миллионы людей в Китае и Греции, в Южной Корее и Франции, в Италии и на Филиппинах — повсюду ненавидят агрессора и ведут успешную борьбу против него.

На их стороне и американский народ. На недавних президентских выборах он отверг отпетого поджигателя войны Дьюи. Неудача Дьюи в то же время является и неудачей Даллеса, его ближайшего советника и одного из вдохновителей двухпартийной агрессивной внешней политики.

Три года назад главный поджигатель войны Черчилль был забаллотирован английским народом. Ныне такая же судьба постигла его «ученика» Дьюи. Народ снова внес свою поправку в расчеты империалистов. Слишком живы в его памяти ужасы прошедшей войны и слишком велики силы мира и прогресса. Об эту непреодолимую преграду разбиваются в прах все честолюбивые мечты Черчилля и его учеников — творцов двухпартийной политики американской агрессии.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

«ЫДОРИРП НЫС»

В США пользуется большим успехом джазовая пластинка, которую в переводе с английского можно назвать «Ыдорирп ныс», что означает «Сын природы», если прочитать эти слова с конца. Этот музыкальный «шедевр» начинается волчьим воем и лаем морских котиков и заканчивается тем, что на пол с грохотом швыряют инструменты, на которых исполнялся номер, — деревянный ящик с зубьями пилы, картонная коробка и колокольчик... Пластинка разошлась в Америке миллионным тиражом.

«ОПАСНЫЕ» МЫСЛИ

Восемь молодых английских офицеров написали книгу «Наше дело — не рассуждать». Ее издание было предпринято Алэном Морэй Ульямс. Недавно, перед выходом в свет, книгу неожиданно запретили военные власти. Как сообщает английская печать, книга навлекла на себя гнев тем, что офицеры высказали в ней желание видеть послевоенный мир лишенным угрозы новой войны. Эти мысли показались английской разведке слишком «опасными».

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 02699.